

Ученик война

Автор:

Лоис Буджолд

Ученик война

Лоис Макмастер Буджолд

Вселенная Майлза Форкосигана #4

Майлз Форкосиган – сын высокопоставленного сановника при дворе императора планеты Барраяр – один из самых известных героев американской фантастики 80 – 90-х годов. Его приключениями зачитываются миллионы читателей во всем мире. Роман «Ученик война» – настоящий подарок любителям фантастики.

Глава 1

Высокий, хмурый старшина в парадном мундире императорской армии выглядел очень величественно, и даже коммуникатор у него в руке казался чем-то вроде маршальского жезла. Старшина рассеянно похлопывал им себя по бедру; глаза его с нескрываемой иронией прошлись по строю молодых людей.

«Ну что ж, так в эти игры и играют», – подумал Майлз. Он стоял на свежем, даже очень свежем осеннем ветру в трусах и кроссовках и старался не дрожать. Трудно сохранять спокойствие и ясность духа, когда стоишь вот так, почти голый, перед людьми, одетыми, как на смотре у императора Грегора. Хотя, если разобраться, большинство здесь щеголяло в том же наряде, что и он. А вот старшина, надзиравший за испытаниями, был один, но казалось, что он вездесущ – умел человек себя поставить. Майлз присмотрелся к нему: интересно, каким образом ему удастся производить такое впечатление. Тут можно кое-чему поучиться...

– Бежать будете парами, – наставлял старшина. Он вроде и говорит-то негромко, а слышно в обоих концах строя. Это напомнило Майлзу отцовскую привычку понижать голос до шепота в минуты ярости. Попробуй тогда его не послушать. – Как только закончите бег с препятствиями, пойдет отсчет времени бега на пять километров. Запомнили? – И старшина начал вызывать пары.

Конкурсные испытания для поступающих в Императорскую Военную Академию длились уже целую неделю. За спиной у Майлза было пять изнурительных дней – устные и письменные экзамены. Кругом уже вздыхали с облегчением, готовясь расслабиться. Кое-где слышался смех и, как всегда, когда худшее позади, – преувеличенные жалобы на недосып, коварство экзаменаторов... Но все эти сетования значили одно – можно лишний раз поздравить себя: они все-таки выдержали, уцелели, выжили. Для абитуриентов Императорской Военной Академии экзамены по физической подготовке будут игрой, временем отдыха. Самое трудное действительно позади – для всех, кроме Майлза.

Юноша вытянулся, словно пытаясь усилием воли распрямить свой искривленный позвоночник. Он слегка вздернул подбородок, чтобы удержать в равновесии слишком большую голову – она была бы впору человеку ростом за метр восемьдесят, а в нем всего-то полтора метра, – и внимательно осмотрел полосу препятствий. Начиналась она пятиметровой бетонной стеной с острыми металлическими штырями наверху. Взобраться на нее – не проблема, мышцы у него в порядке, а вот спуск... Кости, его окаянные хрупкие кости...

– Косиган, Костолиц, – выкрикнул старшина, проходя мимо. Майлз нахмурился и вскинул гневные глаза на старшину, но тут же овладел собою. Старшина опустил почтительную приставку перед его именем, но это вовсе не было оскорблением. В нынешние времена на императорской службе все классы равны, и это правильная политика. Одобренная, кстати, его собственным отцом.

Дедушка из-за этого ругался, но он старик, его уже не переделаешь. Он начинал карьеру еще в те времена, когда главным родом войск была кавалерия, а каждый командир сам обучал своих солдат. В те дни обратиться к нему без приставки «фор», значило нарваться на дуэль, если не хуже. А теперь вот внук генерала Форкосигана пытается поступить в военную академию, такую же, как на других планетах; там его обучат премудростям использования космического оружия, стремительными бросками сквозь пространственно-временные туннели и тактике обороны планет. И стоит он плечом к плечу с мальчишками, которым прежде не разрешили бы чистить его меч.

Ну, не совсем плечом к плечу, иронически поправил себя Майлз, искоса поглядывая на кандидатов в кадеты по обе стороны от себя. Его напарник по преодолению препятствий Костолиц столкнулся с ним взглядом. В глазах его было откровенное любопытство. А глаза Майлза находились как раз на уровне здорового бицепса Костолица. Тут старшина дал команду «Разойдись!» – для тех, кто вступал в соревнования попозже, и Майлз с напарником сели на землю.

– Я уже неделю все к тебе приглядываюсь, – начал Костолиц. – Что это за хреновина у тебя на ноге?

Майлз легко подавил раздражение – чему-чему, а этому он научился. Такой, как у него, практикой не всякий похвалиться. Видит Бог, он действительно бросается в глаза в любой толпе, а тем более в такой. По крайней мере Костолиц при виде его не отмахивается и не заклинает нечистую силу, как одна дряхлая старуха у них в Форкосиган-Сюрло. В иных отсталых районах Барраяра – например, в глубине Дендарийских гор, в местности, принадлежащей Форкосиганам, – младенцев до сих пор убивают из-за любого врожденного дефекта, вплоть до заячьей губы, хотя власти и пытаются бороться с этим варварством. Майлз глянул на пару блестящих металлических стержней на своей левой голени, – до сегодняшнего дня их скрывали брюки.

– Накладки, – ответил он суховато.

Костолиц смотрел на стержни, как замороженный.

– А зачем это?

– Временно. У меня там пара хрупких костей. Накладки предохраняют их от поломок, пока хирург не убедится, что я больше не расту. А потом их заменят чем-то синтетическим.

– Ничего себе... Это болезнь такая или что? – Парень поменял позу и при этом еле заметно отодвинулся от Майлза.

Господи, с болью и яростью подумал Майлз, может, нацепить колокольчик, как прокаженные? Нужно сказать этому типу, что я заразный: мол, в прошлом году во мне было два метра... Он вздохнул и отогнал соблазн.

– Когда мать была мной беременна, ее пытались отравить ядовитым газом. Она в конце концов оправилась, но с костями у меня теперь неполадки.

– А-а. Тебя лечили?

– Еще как. В инквизиции и то так не лечат. Поэтому я и хожу на своих двоих, а то носили бы меня в ведре.

На лице у Костолица теперь читалось легкое отвращение, зато он прекратил свои незаметные маневры.

– А как ты прорвался через медосмотр? Тут же есть какое-то правило насчет минимального роста.

– На это закрыли глаза – пока не станут известны результаты экзаменов.

Мысли Майлза снова обратились к предстоящему испытанию. Им придется преодолевать часть дистанции по-пластунски, под лазерным огнем, и он сможет отыграть какие-то секунды; это ему очень пригодится на пятикилометровой дистанции. Там он подзадержится, с его-то ростом и хромотой, – он уже не помнил, сколько раз ломал ноги, и теперь его левая на четыре сантиметра короче правой. Но тут ничего не поделаешь. А завтра должно быть полегче – завтра испытания на выносливость. Конечно, поначалу это стадо длинноногих парней обойдет его, как миленького. На первых двадцати пяти километрах он будет в хвосте, да и на пятидесятом километре тоже, а вот после семидесяти пяти они почувствуют, почем фунт лиха. Там уже начнется настоящая боль. Я профессионал в этой науке, Костолиц, мысленно обратился он к своему сопернику. Завтра, где-то на сотом километре, мы продолжим разговор, задавай тогда свои дурацкие вопросы – если дышалки у тебя хватит...

А-а, черт, надо думать о деле, а не об этом придурке. Прыжок с пяти метров... Пожалуй, лучше обойти стенку, заработать минус на этом. Но тогда средний балл будет паршивый. Ужасно не хочется жертвовать хоть одним очком, да еще в самом начале. Каждое очко для него – на вес золота. Если пропустить стенку, в резерве ничего не останется...

– Ты и вправду собираешься справиться со всем этим? – спросил Костолиц, оглядываясь. – Набрать больше пятидесяти процентов?

– Нет.

Костолиц тупо посмотрел на него.

– Тогда какого хрена тебе здесь надо?

– А мне и не надо набирать пятьдесят процентов. Так, что-нибудь более или менее приличное...

Брови Костолица полезли вверх.

– Интересно, чью задницу тебе приходится лизать за такой блат? Может, самого Грегора Форбарры?

В его голосе звучали зависть и подозрительность. Майлз стиснул челюсти. Только не надо вспоминать про родителей...

– Ну а все-таки: как это ты собираешься поступить с такими оценками? – настойчиво допытывался Костолиц. – Глаза его сузились, а ноздри раздувались: не иначе как уловил запах привилегий.

Будь политиком, приказал себе Майлз. Это должно быть у тебя в крови, как и страсть к военному делу.

– Я подал прошение, – терпеливо объяснил он, – чтобы мне вывели средний балл, а не рассматривали все предметы по отдельности. Надеюсь, отметки за письменные компенсируют завал на физподготовке.

– Да ведь тебе придется набрать там почти сто процентов!

– Вот именно, – отрезал Майлз.

– Косиган, Костолиц, – выкликнул их имена другой старшина, в парадной форме.

Они пошли к старту.

– Мне из-за тебя придется туго, – недовольно заметил Костолиц.

– Почему? Ты к этому не имеешь никакого отношения. Это мои проблемы, – спокойно отозвался Майлз.

– Мы бежим в паре, чтобы задавать друг другу темп. А подстраиваться к тебе – невелика радость...

– А ты не слишком за мной гонись, – промурлыкал Майлз.

Костолиц нахмурился.

Их поставили на черту. Майлз глянул через плац, туда, где стояла группа людей – несколько военных, у которых поступали родственники, и челядь графских сынков, присутствовавших здесь сегодня. Он различил пару суровых слуг в ливреях Форпатрилов; должно быть, его кузен Айвен где-то недалеко.

А вон и Ботари, высокий и тощий, как лезвие ножа. На нем серебристо-коричневая ливрея Форкосиганов.

Майлз приподнял подбородок, незаметно приветствуя отставного сержанта. Ботари уловил его жест на расстоянии ста метров; до этого он стоял по команде «вольно», а тут вытянул руки по швам.

Пара офицеров-экзаменаторов, старшина и двое инспекторов, судивших на дистанции, сошлись в отдалении и о чем-то заспорили. Майлз заметил, как они жестикулируют и поглядывают на него. Спор быстро закончился, инспектора вернулись по местам, и один из офицеров дал старт следующей паре ребят. Старшина подошел к Майлзу и его напарнику; вид у него сейчас был уже не столь самоуверенный. Майлз изобразил на лице внимание и готовность.

– Косиган, – произнес старшина старательно-равнодушным тоном. – Тебе придется снять накладки с ноги. Во время экзаменов какие-либо искусственные вспомогательные средства не разрешаются.

Майлзу мгновенно пришла в голову целая дюжина контрдоводов, но он сдержался. Старшина был в некотором смысле его командиром, а Майлз знал, что сегодня оцениваются не только физические способности поступающих, но и кое-что еще, поважнее.

– Слушаюсь, сэр. Разрешите передать их моему слуге? – Во взгляде, который он бросил на старшину, была скрытая угроза: попробуй не разреши, я их суну тебе, и будешь таскаться с ними целый день...

– О, разумеется, сэр. – Это «сэр» вырвалось невольно; конечно, старшина знал кто он такой. По губам Майлза скользнула еле заметная усмешка и тут же исчезла. Он махнул Ботари, и телохранитель подбежал к нему.

– Разговаривать с домашними запрещено, – предупредил старшина.

– Слушаюсь, сэр, – отозвался Майлз, сел на землю и отстегнул ненавистный аппарат. Ну и хорошо; на целый килограмм меньше тащить на себе. Он кинул стержни Ботари – тот поймал их на лету. Потом Майлз неловким движением поднялся на ноги. Ботари не подал ему руки, чтобы помочь, – и правильно сделал.

Сейчас, видя их рядом, Майлз понял, что все познается в сравнении. Старшина оказался не таким уж высоким, довольно молодым и, в общем, вполне безобидным типом. Ботари был выше, старше и намного уродливее. Его действительно можно было испугаться. Но, конечно, Ботари уже носил погоны, когда этот парень еще пешком под стол ходил.

Узкая нижняя челюсть, хищно изогнутый нос, близко посаженные глаза непонятного цвета... Майлз глянул на слугу с любовной гордостью. Потом он смерил взглядом полосу препятствий, покосился на Ботари. Тот взглянул туда же, сжал губы, поправил накладку под мышкой и слегка качнул головой. Майлз в ответ чуть дернул уголок рта. Ботари вздохнул и трусцой отправился туда, где ждали остальные.

Значит, старшина Ботари советует быть осторожнее. Ну что ж, это его работа: он должен следить, чтобы Майлз был цел и невредим. А карьера Майлза его не касается. Нет, ты несправедлив, тут же упрекнул себя юноша. Когда шла подготовка к этой сумасшедшей неделе, не было человека полезнее Ботари. Он

тренировал Майлза долгими часами, выжимая из него все, на что способно его тело, выказывая неослабное рвение. Мой первый подчиненный, подумал Майлз. Моя личная армия.

Костолиц, вытаращив глаза, смотрел вслед Ботари. Похоже, он наконец-то узнал родовые цвета Форкосиганов.

– Ах, вот ты кто, – проговорил он со смесью зависти и почтительности. – Теперь ясно, почему тебе разрешили сдавать экзамены...

Майлз только напряженно улыбнулся, услышав новое оскорбление. Он попытался придумать ответ поуничижительнее, но их уже вызывали на старт.

Как видно, творческая мысль Костолица продолжала работать, потому как он язвительно добавил:

– Так значит, вот почему лорд-регент не стал добиваться трона!

– На старт! – между тем крикнул инспектор. – Внимание! Марш!

Разумеется, Костолиц сразу же вырвался далеко вперед. Беги, беги, безмозглый ублюдок. Если догоню, я тебя тут же и пришибу, – бесился Майлз, чувствуя себя хромой коровой на скачках чистокровных лошадей.

Эта стена, эта чертова стена... Костолиц уже пыхтел где-то посередине, когда Майлз коснулся каменной кладки. Ну, по крайней мере сейчас он покажет этому мужлану, как лазать. Он взлетел вверх, словно крохотные опоры для пальцев рук и ног были широкими ступенями. Мышцы работали как бешеные, подстегиваемые яростью. Оказавшись на гребне раньше Костолица, Майлз глянул вниз – и остановился, неуверенно присев между штырями.

Инспектор внимательно наблюдал за ними. Раскрасневшийся напарник уже догнал Майлза.

– Ну что, фор? Испугался высоты? – выдохнул Костолиц, ухмыляясь через плечо. Он спрыгнул, ловко приземлился и помчался дальше.

Если спускаться осторожно, как какая-нибудь старая дама с артритом, будут потеряны драгоценные секунды... Может, удастся после приземления уйти в перекат? – Инспектор все смотрит, а Костолиц уже добрался до следующего препятствия... И Майлз прыгнул.

Время словно бы растянулось в бесконечность, пока он камнем летел к земле, – растянулось специально для того, чтобы он полностью, до тошноты, прочувствовал свою ошибку. Майлз ударился о песок со знакомым треском ломающихся костей.

Он не вскрикнул, а только моргнул от боли. Равнодушный наблюдатель где-то в глубине души отметил, что сегодня его не спасли бы никакие накладки...

Сломанные ноги начали быстро опухать, покрываясь багровыми кровоподтеками. Майлз чуть отодвинулся назад, чтобы выпрямить их, а потом быстрым, произвольным движением уткнулся головой в колени. И только тут он позволил себе закричать. Это был бесконечный, отчаянный, безмолвный вопль раненого в самое сердце. Даже ругаться он не мог – никакое проклятие не дало бы сейчас облегчения.

До инспектора наконец дошло, что парень не собирается вставать. Майлз задом, опираясь на руки, отполз от стены, чтобы не мешать следующей паре, и терпеливо ждал Ботари.

Торопиться ему теперь было решительно некуда.

– Сколько себя помню, ты все собираешь приданое Элен. Но такие вещи давным-давно вышли из моды, – вместе с кавалерией, неужели ты не понимаешь? Даже форы теперь женятся без всякого приданого. Нынче не период Изоляции. – Майлз говорил насмешливо, но насмешка была мягкой, тщательно соразмеренной с одержимостью собеседника.

– Я хочу, чтобы все у нее было, как у людей.

– Да ты уже наверняка насобирал столько, что можешь купить ей Грегора Форбарру, – ухмыльнулся Майлз. Все знали, что его телохранитель годами

урезал себя во всем ради приданого дочери.

– Об императорах не шутят. – Ботари пресек эти кощунственные остроты со всей твердостью, какой они заслуживали. Майлз вздохнул и начал осторожно взбираться по ступенькам, неуклюже двигая ногами, зажатыми в пластиковые шины.

Болеутоляющие, которыми его накачали перед уходом из госпиталя, уже перестали действовать, и он чувствовал безмерную усталость. Ночь он провел без сна, под местным наркозом, обмениваясь шутками с хирургом, который трудился несколько часов, складывая в единое целое крохотные кусочки его переломанных костей. «А ты держался совсем неплохо», – подбадривал себя Майлз; но единственное, чего ему хотелось, – убраться со сцены и рухнуть где-нибудь в уголке. Оставалось доиграть еще два акта.

– А какого жениха ты ей хочешь подобрать? – весело поинтересовался Майлз, останавливаясь, чтобы передохнуть.

– Офицера, – твердо произнес Ботари.

Улыбка Майлза слегка поблекла. Значит, офицерское звание – предел твоих желаний, дорогой сержант?

– Надеюсь, ты еще не завтра потащишь ее под венец...

Ботари фыркнул.

– Конечно, нет. Ей же всего... – Он помолчал. Складка на лбу сержанта обозначилась еще сильнее. – Время идет... – пробормотал он и умолк окончательно.

Майлз преодолел последнюю ступеньку и вошел в дом Форкосиганов, мысленно готовясь к встрече с родными. Похоже, первой будет мама; тут без проблем. Она действительно появилась в парадном холле, как только слуга-телохранитель открыл дверь. Леди Форкосиган была уже в годах, ее огненно-рыжие волосы поседели, высокий рост скрадывал полноту. Она тяжело дышала: скорее всего сбежала вниз, увидев их в окно. Мать и сын молча обнялись. Глаза матери

смотрели серьезно и понимающе.

– Отец дома? – спросил Майлз.

– Нет. Он сегодня с министром Квинтилианом в императорской ставке, сражается с генштабом по поводу бюджета. Отец велел передать тебе привет и сказал, что попытается вернуться к обеду.

– Он... он ничего не говорил деду насчет вчерашнего, а?

– Нет, но мне кажется, чем скорее ты это сделаешь, тем лучше.

– Я думаю. – Он посмотрел вверх, туда, где кончалась длинная парадная лестница особняка Форкосиганов. Что ж, начнем с самого трудного...

– Дед наверху?

– Да, в своих апартаментах. Хотя, рада тебе сообщить, утром он даже прогулялся в саду.

– А-а... – И Майлз двинулся к лестнице.

– В лифт, – односложно скомандовал Ботари.

– Пустяки, тут всего один пролет.

– Хирург сказал, что вам надо избегать любых нагрузок.

Леди Форкосиган наградила Ботари одобрительной улыбкой; в ответ он вежливо пробормотал: «Миледи...» Майлз недовольно передернул плечами и направился вглубь дома.

– Майлз, – проговорила мать, когда он ковылял мимо. – Дед очень стар и не очень здоров, и уже много лет ему ни с кем не приходилось спорить, так что принимай его таким, каков он есть, ладно?

– Ты же знаешь, я так и делаю. – Он скорчил почтительную гримасу, демонстрируя готовность ко всяческой дипломатии. Мать рассмеялась, но ее глаза остались серьезными.

Добравшись до покоев деда, Майлз встретил Элен Ботари – она как раз выходила оттуда. Сержант приветствовал дочь молчаливым кивком, получив в ответ прелестную улыбку.

В тысячный раз Майлз задавался вопросом: как мог этот урод породить такую красавицу? Все его черты по отдельности отражались в лице Элен, но в преображенном виде. В свои восемнадцать лет она была очень высокой – метр восемьдесят, совсем как отец, с его метром девяносто пять; но Ботари был худ как щепка и вечно напряжен и озабочен, а она – изящна и полна жизни. У него нос изогнут клювом, а у Элен очень милый носик с легкой горбинкой. Его лицо кажется слишком узким, а у дочери – идеальный овал, красота, в которой безошибочно чувствуется порода. Глаза – темные, светящиеся, внимательные, без отцовской подозрительности и въедливости. Словом, отец и дочь походили друг на друга, словно два изваяния, высеченных одним и тем же скульптором, – василиск и святая, застывшие над входом в старинный собор.

Майлз встряхнулся и обменялся коротким взглядом с очаровательной девушкой на голову выше себя. Надеюсь, ты еще не завтра выдашь ее замуж, сержант...

– Вот здорово. Я так рада, что ты здесь, – обратилась она к нему. – Сегодня с утра прямо беда с ним.

– Что, капризничает?

– Нет, напротив. Он очень бодр. Играл со мной в страто, не обращая на меня никакого внимания. Знаешь, я чуть у него не выиграла. А потом рассказывал про войну и все вспоминал о тебе. Будь у него карта, он бы втыкал флажки по дистанции, пока ты ее преодолевал... Может, мне остаться?

– Нет, что ты.

Элен сочувственно и с облегчением улыбнулась и пошла по коридору.

Майлз, глубоко вздохнув, толкнул дверь в комнату генерала графа Петера Форкосигана.

Глава 2

Старик был чисто выбрит и одет во все свежее. Он сидел в кресле, задумчиво глядя в сад за окном. Нахмурившись, граф оглянулся на того, кто прервал его размышления, увидел внука и широко улыбнулся.

– А-а, это ты, малыш. Садись. – Он указал на другое кресло, в котором, наверное, только что сидела Элен. Улыбка старика стала несколько озадаченной. – Черт, неужели я обсчитался на день? Мне казалось, сегодня ты должен трусить по горе Сенселе – вверх-вниз, вверх-вниз... И так сто километров.

– Нет, сэр, вы вовсе не потеряли этот день. – Майлз опустил в кресло. Ботари поставил перед ним стул и показал пальцем на его ноги – не нужно ли помочь, но Майлз, отрицательно покачав головой, попытался справиться с ними сам. Боль обожгла его, как огонь. – Ладно, подними-ка их, сержант, – устало согласился он, и Ботари помог ему задрать вверх злосчастные конечности, утвердив их под медицински правильным углом. Потом сержант ретировался – хороший тактический ход, подумал Майлз, – и замер у двери по стойке смирно. Когда до старого графа дошел смысл всей этой пантомимы, его глаза расширились.

– Что ты натворил, малыш?

Надо проделать все быстро и безболезненно, как отрубают голову, например, раз – и все кончено.

– Спрыгнул со стенки и сломал обе ноги. Вчера, на полосе препятствий. В общем, провалился на физподготовке. Остальное... Впрочем, теперь это неважно.

– И вот ты вернулся домой.

– И вот я вернулся домой.

– Так. – Дед забарабанил изуродованными пальцами по подлокотнику. – Так. – Он неловко поерзал в кресле и сжал губы, не глядя на Майлза. Пальцы его снова застучали по подлокотнику. – А все из-за этой дурацкой ползучей демократии, – не выдержав, сварливо начал он. – Из-за убогого инопланетного вздора! Твой отец поощрял эти глупости – думал, что послужит тем Барраяру, ан нет. У него была прекрасная возможность искоренить все это в бытность его регентом, и он упустил ее, просто упустил... – Старик замолк. – Влюбился в женщину с другой планеты, в идеи с других планет, – продолжал граф, но уже без прежнего пыла. – Это все твоя мать виновата. С ее вечным бредом про равенство и братство...

– Ну брось, дед, – возразил Майлз, немного уязвленный. – Мама совершенно не интересуется политикой. Покойники, и те, наверно, интересуются больше.

– И слава Богу. Иначе она бы уже давно правила Барраяром. Я ни разу не слышал, чтобы твой отец ей хоть в чем-то перечил. Ну ладно, могло быть и хуже...

Майлз лежал в кресле, не пытаясь больше защищать ни себя, ни мать. Беспокоиться было не о чем: престарелый генерал скоро начнет обсуждать проблему с разных сторон и сам себя переспорит.

– Может быть, нам всем надо меняться со временем? Может быть. Вот, скажем, сыновья лавочников – видит Бог, из них получаются великолепные солдаты. У меня под началом было порядком этих ребят. Я тебе никогда не рассказывал про одного молодца? Мы дрались с цетагандийцами в Дендарийских горах за Форкосиган-Сюрло. Лучший лейтенант, какого я помню. Мне тогда было не больше лет, чем сейчас тебе. В тот год он убил больше цетагандийцев, чем... А отец у него был портной. В те времена все кроили и шили вручную... – Старик вздохнул по безвозвратно ушедшей молодости. – Как же его звали...

– Тесслев, – подсказал Майлз. Он внимательно рассматривал свои ноги. Что ж, он может стать портным – благо теперь они такая же вымирающая порода, как и графы.

– Да-да, Тесслев. Погиб он, правда, при страшных обстоятельствах. Пошел на разведку, и их всех захватили в плен. Храбрый был до чертиков, ничего не боялся... – Наступило молчание.

Внезапно старый граф узрел спасительную соломинку и ухватился за нее.

– А соревнования проводили честно? Сейчас ни в чем нельзя быть уверенным. Какой-нибудь плебей-карьерист...

Майлз решительно покачал головой, торопясь пресечь эти фантазии, прежде чем они укоренятся в голове старика.

– Все было честно. Я сам во всем виноват. Задержался, не сумел вовремя собраться... Словом, я провалился, потому что слаб.

Дед яростно фыркнул. Он сжал кулак, но через мгновение рука его безнадежно разжалась.

– В мое время никто бы не посмел сомневаться в твоем праве...

– В твоё время за мою неумелость заплатили бы жизнями другие. Теперь все устроено более справедливо, я в этом уверен. – Майлз старался говорить как можно спокойнее.

– Ну что ж... – Старик смотрел в окно, ничего не видя. – Времена и вправду меняются. Барраяр изменился. Он страшно изменился, уже когда мне исполнилось двадцать – в сравнении с тем, чем был при моем рождении. А потом, между двадцатью и сорока, произошла еще одна такая же перемена. Все изменилось, все, ничего прежнего не осталось... Потом еще одна перемена, от моих сорока до теперешних восьмидесяти. Все твои сверстники – слабое, выродившееся поколение... Даже грехи у нынешних людишек какие-то разжиженные. Старые пираты времен моего отца могли бы съесть их на завтрак и переварить косточки до обеда... Ты знаешь, я ведь буду первым графом Форкосиганом за все девять поколений, которому суждено умереть в постели... – Старик умолк, вглядываясь во что-то невидимое, а потом прошептал, словно обращаясь к самому себе: – Бог мой, как я устал от перемен...

– Сэр, – мягко прервал его Майлз.

Старик живо поднял на него глаза.

– Ты не виноват, малыш. Ни в чем не виноват. Просто ты попал в колеса судьбы, как и все мы. Это же случайность, что убийца, покушавшийся на твоего отца, выбрал именно такой яд. Он ведь не целился в твою мать. А ты всегда был молодцом. Наверное, мы хотели от тебя чересчур многого. Но никто не скажет, что ты ничего не добился!

– Благодарю вас, сэр.

Молчание становилось гнетущим; в комнате было слишком жарко. Голова у Майлза болела, его подташнивало от голода и лекарств. Он неловко поднялся.

– Если позволите, сэр...

Старик махнул рукой, отпуская его.

– Да, у тебя, наверное, дела... – Он снова помолчал, потом как-то растерянно глянул на Майлза: – Что же ты собираешься делать? Все так странно... Мы всегда были феры, воины, даже когда военное искусство изменилось вместе со всем остальным...

Дед казался таким маленьким, сидя в своем глубоком кресле. Майлз из последних сил постарался улыбнуться:

– Ну, зато я могу заняться еще одним излюбленным делом аристократов. Стану светским львом. Буду знаменитым эпикурейцем и женолюбом. Наверное, это веселее, чем военная служба.

К его удивлению, дедушка поддержал шутливый тон.

– Да, я всегда завидовал этим ребятам. Так что давай, малыш... – Он улыбнулся, но Майлз почувствовал, что эта улыбка была такая же вымученная, как и его собственная. Да и могло ли быть иначе – «бездельник» всегда было в устах старика страшнейшим из ругательств. Майлз вышел. Ботари последовал за ним.

Майлз сидел сгорбившись в потрепанном кресле в маленькой гостиной их огромного старинного дома. Он положил ноги на стул и закрыл глаза. В комнату

эту редко кто заходил; можно было надеяться, что здесь его оставят в покое, наедине с невеселыми мыслями. Никогда прежде он не чувствовал себя в таком тупике. Столько сил потрачено зря, а впереди пустота – и все из-за мимолетного приступа глупости и злости, малодушного страха выглядеть смешным...

Кто-то кашлянул за его спиной, и робкий голос позвал:

– Майлз...

Глаза его широко раскрылись:

– Элен! Значит, вы с мамой приехали в Форкосиган-Сюрло! Входи, входи.

Девушка присела на подлокотник другого кресла.

– Да, миледи знает, как я люблю эти поездки в столицу. И всегда берет меня с собой. Она мне как мать...

– Скажи ей об этом. Ей понравится.

– Ты так думаешь? – застенчиво спросила Элен.

– Конечно. – Как всегда, ее присутствие оживило Майлза. Возможно, не такое уж пустое будущее ему предстоит...

Она задумчиво покусывала нижнюю губу; большие глаза, не отрываясь, смотрели ему в лицо.

– Ты выглядишь совсем разбитым.

Э нет, жалость нам не требуется. Майлз откинулся на спинку кресла и ухмыльнулся:

– Вот именно. В буквальном смысле. Ничего, пройдет. Ты, наверно, уже слышала про мое фиаско.

– Да. Как у тебя... со старым графом? Обошлось?

– Конечно. Я ведь его единственный внук. Положение у меня беспримысленное – могу вытворять, что хочу.

– Он не говорил с тобой насчет перемены имени?

Майлз воззрился на Элен, на сей раз с непритворным изумлением:

– Что?

– Ну, насчет того, чтобы ты смог наследовать титул. Он говорил, что это надо будет сделать, когда ты... – Девушка вдруг замолчала, но Майлз без труда понял, о чем речь.

– Ах, вот оно что. Когда я стану офицером... Значит, дед собирался пойти на попятный и позволить мне носить имя, подобающее наследнику? Очень мило с его стороны. С опозданием на семнадцать лет...

– Я никогда не могла понять, в чем тут проблема.

– Ну как же. Меня зовут Майлз Нейсмит, по отцу моей матери, а не Петер Майлз, как следует – по отцу отца и отцу матери. Все это из-за скандала при моем рождении. Когда родители поправились после отравления газом, стало ясно, что зародыш пострадал и дед настаивал на аборте. Разумеется, мне этого знать не положено. Была жуткая ссора с родителями – точнее, с мамой, а отец попал под перекрестный огонь. Когда он поддержал мать и заставил деда отступить, тот обиделся и объявил, что я не должен носить его имя. Потом он, правда, успокоился, когда узнал, что я не такой уж уродец, как ожидалось. – Майлз побарабанил пальцами по подлокотнику. – Значит, он собирается взять свое проклятие обратно? Пожалуй, хорошо, что я срезался, а то бы он мог им подавиться. – Тут Майлз замолчал: не стоит говорить так про деда. Ни к чему выглядеть перед Элен более безобразным, чем он есть на самом деле.

– Я-то знаю, как ты готовился. Ужасно жаль, что так случилось.

Он снова попробовал отделаться шуткой.

– А уж мне-то как жаль... Вот бы тебе выступить вместо меня на испытаниях по физподготовке! Из нас двоих получился бы великолепный офицер.

– Да, но по законам Барраяра мне стать офицером еще труднее, чем тебе, – простодушно ответила Элен. – Я ведь женщина. Мне бы даже не разрешили подать прошение о сдаче экзаменов.

– Я знаю. Нелепость дикая. Отец тебя всему обучил. Тебе только пройти курс по тяжелому вооружению, и ты бы задавила девять десятых из тех ребят, что я там видел. Так что хорошенько подумай об этом, сержант Элен Ботари.

– А теперь ты меня дразнишь, – огорченно заметила девушка.

– Да нет, я говорю с тобой, как один штафирка с другим штафиркой, – спохватился Майлз.

Она грустно покачала головой, потом оживилась, что-то вспомнив:

– Да, ведь твоя матушка послала меня привести тебя к столу.

– А-а. – Со свистом втянув воздух (какая боль!), он встал. – Вот этого офицера все слушаются. Капитан адмирала.

Элен улыбнулась.

– Да. Она же была офицером у бетанцев, и никто не считает ее странной, когда она нарушает обычаи.

– Что верно, то верно. Никому и в голову не приходит применять к матери наши правила. Она просто делает, что ей нравится.

– Хотелось бы и мне быть бетанкой, – мечтательно протянула Элен.

– Ты не очень-то обольщайся – мать и на взгляд бетанцев весьма странная особа. Хотя Колония Бета тебе бы понравилась, я думаю. Местами, конечно.

– Никогда я не выберусь с этой планеты, – невесело сказала Элен.

Майлз вопросительно посмотрел на нее.

– Почему? На тебя что-то давит? Что?

Девушка пожала плечами.

– Ну, ты же знаешь отца. Он страшно консервативен. Ему бы родиться лет двести назад. Ты единственный, кто не считает его чокнутым. Он такой подозрительный.

– Знаю. Но для телохранителя это необходимое качество. Его патологическая подозрительность дважды спасла мне жизнь.

– Тебе бы тоже не мешало родиться лет двести назад.

– Ну, спасибо. Меня бы пристукнули прямо при рождении.

– Видимо, да, – рассеянно согласилась Элен. – В общем, сегодня утром он ни с того ни с сего затеял разговор о моем замужестве.

Замерев на месте, Майлз поглядел на нее снизу вверх.

– Ах вот как. И что же он сказал?

– Не так уж и много. – Она пожала плечами. – Просто произнес это слово. Жаль, что у меня нет матери...

– Но ты же можешь поговорить с моей! Или... Или со мной, если уж на то пошло. Ты же можешь быть со мной откровенна, разве нет?

Элен благодарно улыбнулась.

– Спасибо. – Они подошли к лестнице и остановились.

– Он теперь никогда не упоминает о моей матери... – пожаловалась Элен. – С тех пор, как мне исполнилось двенадцать. А раньше рассказывал про нее длинные истории. Ну, для него длинные. Не знаю – может, он начинает забывать ее?

– Вряд ли. Я с ним больше времени провожу, чем ты. Он в жизни не посмотрел на другую женщину, – уверенно возразил Майлз.

Они начали спускаться по ступенькам. Ноги болели и не слушались; ему приходилось переваливаться на манер пингвина. Он искоса глянул на Элен и крепче ухватился за перила.

– Разве тебе не велено пользоваться лифтом? – строго спросила она, заметив его мучения.

– Ну вот, теперь и ты обращаешься со мной, как с калекой... – Майлз глянул на уходящую вниз длинную вереницу ступенек. – Мне велели как можно меньше быть на ногах. Только не объяснили, как это делать... – Майлз вдруг вскочил на перила и подмигнул Элен через плечо.

На лице девушки отразилась смесь веселья и ужаса.

– Майлз, псих несчастный! Если ты свалишься оттуда, ты переломаешь все свои чертовы кости...

Но он уже скользил вниз, быстро набирая скорость. Элен, смеясь, побежала за ним. Крутой поворот – и победная улыбка Майлза исчезла. «О-о, ч-черт...» Затормозить не удастся – скорость слишком велика.

– Какого...

– Берегись!

Он слетел с перил и отчаянно уцепился за плотного седого человека в адмиральском мундире. Оба повалились на мозаичный паркет и поднялись на ноги, как раз к тому моменту, когда Элен сбегала с лестницы. Майлз чувствовал, как краснеет – мучительно, до корней волос. Плотный мужчина тоже был ошарашен. Второй офицер – с капитанскими нашивками на воротнике –

наблюдавший эту сцену, опираясь на трость, не мог удержаться от смеха.

Майлз быстро опомнился и, насколько мог, встал по стойке «смирно».

– Добрый день, отец, – звонко произнес юноша. Он слегка задрал подбородок, – пусть кто-нибудь попробует критиковать его способ передвижения.

Адмирал лорд Эйрел Форкосиган, премьер-министр Барраяра, в прошлом – лорд-регент императора Грегора Форбарры, поправил свой парадный мундир.

– Добрый день, сынок. – Глаза его смеялись. – Я... э-э... рад, что твои травмы оказались не столь серьезными.

Майлз пожал плечами, втайне радуясь, что его не донимают жалостными замечаниями при посторонних.

– Как обычно.

– Ты извини, я сейчас занят. А-а, это ты. Добрый день, Элен... Итак, Куделка, что ты думаешь об этих цифрах – о стоимости кораблей адмирала Хессмана?

– По-моему, тут что-то не то. Все это было преподнесено как-то скомканно.

– Значит, ты тоже заметил...

– Вы полагаете, он что-то туда запрятал?

– Возможно. Но что? Бюджет своей партии? Или подрядчик – его зять? Или это просто легкомысленное отношение к бюджету? Казнокрадство или всего лишь расхлябанность? Я попрошу Иллиана заняться первой из гипотез, а вам придется проработать вторую. Прижмите-ка их насчет этих цифр.

– Ох и заверещат они. Уже сегодня поднялся крик.

– Не обращай внимания. Я сам составлял подобные сметы, когда был в генштабе, и прекрасно знаю, сколько балласта туда можно засунуть. Пока у них голос не

поднимется октавы на две, дави смело – им еще не больно.

Капитан Куделка широко улыбнулся, отдал честь и вышел, коротко кивнув Майлзу и Элен.

Сын с отцом стояли, глядя друг на друга, – никому не хотелось начинать неизбежный разговор. Наконец лорд Форкосиган произнес:

– Я, наверное, опаздываю к обеду...

– Только что звали, сэр, насколько мне известно, – церемонно произнес Майлз.

– Тогда пойдем... – Лорд сделал движение, словно желая помочь сыну, но потом тактично сложил руки за спиной. Они медленно, бок о бок, направились в столовую.

Через несколько часов Майлз, одетый, лежал на высоко взбитых подушках, вытянув ноги по всем медицинским правилам. Он с отвращением поглядывал на свои непокорные конечности. Мятежные провинции – вот они кто. Бунтовщики. Предатели-диверсанты... Надо бы встать, умыться, переодеться на ночь, но это требовало героических усилий. А он не герой. Он вспомнил про одного неудачливого вояку, о котором ему рассказывал дед: тот случайно застрелил под собой коня во время кавалерийской атаки, пересел на другого – и тут же застрелил и этого.

Значит, он сам натолкнул сержанта Ботари на мысль, которой больше всего боялся. Перед внутренним взором Майлза возник образ Элен – тонкий орлиный профиль, огромные темные глаза, сильные длинные ноги, влекущие бедра... Просто принцесса из старинной сказки. Или трагедии. Эх, если бы ему удалось дать ей эту роль в действительности... Но какой из него принц!

Конечно, в пьесе он мог бы сыграть аристократа. На Барраяре злодеи-интриганы во всех драмах были уродами и калеками. Если ему не суждено стать солдатом, возможно, у него есть будущее в качестве злодея.

– Я умыкну девчонку, – пророкотал Майлз зловещим басом, пытаясь испробовать непривычное амплуа, – и запру ее в своей темнице.

Потом с сожалением вздохнул, и проговорил обычным голосом:

– Вот только темницы у меня нет. Пришлось бы запереть ее в чулане. Дед прав, мы – убогое поколение. В любом случае мои соперники просто наняли бы какого-нибудь героя спасти ее. Какого-нибудь мускулистого верзилу, вроде Костолица. Известно, чем кончаются подобные затеи...

Майлз встал и принял боевую позицию: итак, меч Костолица против его... скажем, кинжала. Кинжал – самое подходящее оружие для злодея. С ним-то уж точно можно расчистить вокруг себя пространство. Но вот его пронзают мечом, и он умирает на руках Элен, а она падает в обморок... Все вздор, она попадает в объятия Костолица и теряет сознание от радости.

Взгляд Майлза упал на старинное зеркало в резной раме.

– Карлик-попрыгунчик, – проворчал он, с отвращением разглядывая свое изображение. Ему вдруг захотелось разнести стекло вдребезги, чтобы во все стороны брызнули окровавленные осколки. Но на шум сейчас же примчится караульный из холла, потом толпа родственников, и надо будет что-то объяснять. Майлз рывком повернул зеркало к стене и снова плюхнулся в кровать.

Откинувшись на подушки, он попытался представить себе, как является к отцу и просит, чтобы тот пошел к сержанту Ботари и по всем правилам посватался. Ужас. Он вздохнул и поерзал, безуспешно стараясь отыскать более удобную позу. Ему всего семнадцать, это слишком рано для брака даже по обычаям Барраяра. К тому же – никаких перспектив в смысле карьеры и положения в обществе... Пройдут, скорее всего, годы, прежде чем он сможет просить руки Элен при поддержке родителей. Конечно же, кто-нибудь подцепит ее задолго до этого.

А сама Элен... Зачем он ей? Тоже мне, удовольствие, – муж-карлик, уродливый, весь покореженный. Ведь в их мире давно ликвидированы даже самые легкие физические недостатки, – благодаря традициям спартанского воспитания и инопланетной медицине. Да еще такой забавный контраст. Конечно, все будут пялиться на них, и еще как. Разве может титул и связанные с ним привилегии компенсировать его мерзкую внешность? Да и титул с каждым годом все больше становится анахронизмом, а уж вне Барраяра он и вовсе пустой звук. Его родная

мать прожила здесь восемнадцать лет и до сих пор считает институт форов чем-то вроде коллективного помешательства.

В дверь дважды постучали – властно и вежливо. Майлз криво улыбнулся, вздохнул и сел в постели.

– Заходи, отец.

Лорд Форкосиган приоткрыл дверь и просунул туда голову.

– Ты еще не разделся? Уже поздно. Тебе бы надо отдохнуть.

Вопреки сказанному, он вошел в комнату, взял стул от письменного стола, повернул его и уселся верхом, удобно сложив руки на спинке. Майлз заметил, что отец до сих пор не переоделся – он был в мундире, в который облачался каждый день, отправляясь на службу. Теперь лорд Форкосиган исполнял обязанности премьер-министра, а не регента, то есть он уже не был главнокомандующим и, может быть, не имел права носить свою старую адмиральскую форму. Или она к нему приросла?

– Ты знаешь, я... – начал лорд и остановился. Тихонько откашлявшись, он продолжал: – Мне интересно, что ты думаешь насчет своего будущего. Насчет каких-нибудь запасных вариантов.

Майлз передернул плечами.

– Да нет никаких запасных вариантов. У меня был единственный план: добиться успеха. Глупо, конечно.

Лорд Форкосиган нахмурился, не соглашаясь.

– Если тебя это утешит, ты был очень близок к победе. Я сегодня разговаривал с председателем экзаменационной комиссии. Хочешь узнать результаты своих письменных экзаменов?

Майлз покачал головой.

– Не надо. Теперь это неважно. С самого начала не было надежды. Я просто слишком упрям, чтобы признаться в этом.

– Извини, это не так. Мы все понимали, что будет трудно. Но я ни за что не позволил бы тебе так выкладываться из-за того, что считаю невозможным.

– Наверное, я унаследовал от тебя любовь к риску.

Отец усмехнулся и кивнул:

– Ну, не от матери же.

– Она как... не очень расстроилась?

– Да нет... Ты же знаешь, мама без энтузиазма относится к военной службе и к военным. Когда-то она назвала нас наемными убийцами. Едва ли не самое первое, что я от нее услышал. – При этом воспоминании лицо отца посветлело.

Майлз невольно улыбнулся:

– Прямо так и сказала?

– Вот именно, слово в слово. Но все-таки вышла за меня замуж, так что я допускаю, что она говорила не вполне искренне. – Он посерьезнел. – А вообще-то она права. Если я в чем-то и сомневался насчет твоей пригодности к военному делу...

Майлз внутренне сжался.

– ...так это в твоей способности убивать. Когда убиваешь человека, надо сперва стереть его лицо. Это такой психологический трюк. Солдату он необходим. Я не уверен, что ты сумел бы достичь нужного тупоумия. Ты поневоле все видишь объемно. В этом смысле ты очень похож на маму: не упускаешь из виду собственный затылок.

– Но и у вас я никогда не замечал особой узости взглядов, сэр.

– Да, я тоже разучился владеть этим приемом. Потому и пошел в политику. – Лорд Форкосиган улыбнулся, но улыбка быстро погасла. – Боюсь, из-за этого и ты пострадал.

Последняя фраза заставила Майлза вспомнить реплику Костолица.

– Сэр... – неуверенно начал он, – вы действительно... Вы из-за меня не претендовали на императорскую власть? Ведь все этого от вас ждали. Только потому, что ваш наследник... – Он неловко коснулся пальцем груди, не решаясь употребить запретный термин «калека».

Лорд Форкосиган нахмурился. Голос его упал почти до шепота – так резко, что сын вздрогнул.

– Кто это сказал?

– Да никто, – испуганно ответил юноша.

Отец вскочил и несколько раз прошелся по комнате.

– Никогда и никому не позволяй так говорить, – отчеканил он. – Это оскорбление чести – твоей и моей. Я поклялся императору Эзару Форбарре, когда он лежал на смертном одре, что буду верно служить его внуку, и я выполнил клятву. И точка.

– Да я и не спору, – поспешно заверил сын.

Лорд Форкосиган поглядел на него и рассмеялся.

– Извини. Ты просто попал на больное место. Ты тут ни при чем, малыш. – Он снова сел, уже вполне владея собой. – Ты знаешь, что я думаю о верховной власти. Ведьмин подарок, будь он трижды проклят... Но вот попробуй объясни это им.... – Он помотал головой.

– Но ведь Грегор никак не может подозревать тебя в честолюбии. Ты сделал для него больше, чем кто бы то ни было – и во времена бунта Фордариана, и в третью цетагандийскую войну, и при подавлении восстания Комарры... Да без тебя его давно бы скинули с трона.

Лорд Форкосиган поморщился.

– Сейчас Грегор способен на любую глупость. Он только что вкусил власти, – а власти у него очень много, можешь мне поверить, – и теперь у него руки чешутся выяснить, как далеко она простирается. У меня вовсе нет желания делать из себя мишень.

– Ну что ты, папа! Грегора не назовешь вероломным.

– Нет, конечно нет, но теперь на него давят со всех сторон, а я не могу защитить его... – Лорд оборвал себя, сжав кулаки. – Ладно. Поговорим о другом. Я хотел бы обсудить с тобой твои планы.

Майлз устало потер лицо.

– Не знаю, сэр...

– Например, ты можешь подать прошение императору, – не очень уверенно предложил лорд Форкосиган.

– Как это? Засунуть меня в армию по высочайшему указу, вопреки правилам? Ты же сам всю жизнь воевал против института любимчиков. – Майлз вздохнул. – Если бы я хотел попасть в академию таким путем, это надо было делать с самого начала, до провала на испытаниях. А теперь... Нет.

– Но ты слишком талантлив и энергичен, чтобы бездельничать. Есть и другие способы послужить родине. Я бы хотел подсказать тебе одну-две идеи. Просто, чтобы ты о них подумал.

– Говори.

– Будешь ли ты офицером или нет, ты все равно когда-нибудь станешь графом Форкосиганом. – Майлз раскрыл было рот, чтобы возразить, но отец поднял руку. – Я говорю «когда-нибудь». Ты неизбежно получишь какое-то место в правительстве – если, конечно, не произойдет революции или еще какой-то социальной катастрофы. Ты будешь представлять область, доставшуюся нам от наших предков. А она сейчас в постыдном запустении. И не только потому, что

твой дед болен. На меня навалилась груда другой работы, а до этого мы оба отдали большую часть жизни военной службе...

«Говори-говори, а то я ничего этого не знаю», – устало подумал Майлз...

– В общем, получилось так, что там теперь скопилась масса дел, которыми необходимо заняться. И если тебя немного подготовить в юридическом плане...

– Юристом?! – в ужасе ахнул Майлз. – Ты хочешь, чтобы я стал юристом? Но это же ничем не лучше профессии портного...

– Что-что? – удивился лорд. – При чем тут портной?

– Да это я так... Из разговора с дедушкой.

– Вообще-то я не хотел говорить об этом твоему деду. – Лорд Форкосиган откашлялся. – Но если бы ты получил кое-какую подготовку по основам государственного управления, ты бы мог... Как бы это сказать... Ты бы мог замещать дедушку в нашем округе. Знаешь, управление не всегда исчерпывалось войной, даже в период Изоляции.

Похоже, ты давненько об этом подумываешь, с обидой отметил Майлз. Вряд ли ты взаправду верил, что я смогу поступить в академию... Все сомнения Майлза вновь вернулись к нему.

– Вы мне все говорите, сэр? Ничего не утаиваете? Ну, насчет вашего здоровья или еще чего-то?

– Нет-нет, – заверил лорд. – Хотя с моей должностью никогда не знаешь, что будет завтра.

Интересно, что происходит между Грегором и моим отцом на самом деле? У меня такое чувство, будто мне говорят процентов десять, не больше...

Лорд устало вздохнул, потом улыбнулся.

– Ладно. Я мешаю тебе отдыхать, в этом ты нуждаешься сейчас больше всего. – Он встал.

– Да мне и не хочется спать, отец.

– Принести тебе что-нибудь, чтобы скорее заснуть? – осторожно и нежно предложил лорд Форкосиган.

– Нет, получил запас снадобий в лазарете. Пара таких таблеток, и я поплыву, как в замедленной съемке. – Майлз изобразил руками ласты и закатил глаза.

Лорд Форкосиган кивнул и удалился.

Майлз откинулся на подушки и попробовал снова вызвать образ Элен. Но холод действительности, ворвавшийся вместе с отцом, не оставлял места для иллюзий. Майлз спустил ноги на пол и зашаркал в ванную за своим средством для замедленного плавания.

Две таблетки, глоток воды. А если принять все, прошептал вкрадчивый голос откуда-то из глубины сознания... Он со стуком поставил почти полную коробочку на полку. Глаза его сверкнули.

– Дед прав. Драться нужно до последнего.

Он вернулся в постель. Перед ним вновь и вновь мелькала картинка – он сидит на стене, затем совершает свой роковой прыжок. Это было похоже на замедленную съемку. Наконец к нему пришел сон, и все исчезло.

Глава 3

Майлза разбудил слуга, осторожно дотронувшийся до его плеча. Свет в комнате был тусклый, темно-серый.

– Лорд Форкосиган... Лорд Форкосиган...

Майлз, одурманенный снотворным, с великим трудом разлепил веки. Который час?.. И почему этот болван именуется его отцовским титулом? Он что, новенький? Вроде нет...

Но вот сознание вернулось к нему и Майлз похолодел: до него дошел смысл сказанного. Он резко сел в постели, голова кружилась, сердце куда-то проваливалось.

– Что?

– Ваш... Ваш отец просит вас одеться и сейчас же спуститься к нему. – Слуга запинаясь, и это подтверждало его худшие опасения.

Рассвет еще не наступил. Когда Майлз вошел в библиотеку, там горели лампы, а окна казались тусклыми синевато-серыми прямоугольниками. Отец, полуодетый – в форменных брюках, рубашке и ночных туфлях – тихо беседовал о чем-то с двумя мужчинами. Одного Майлз знал – это был их домашний врач; другой – адъютант в придворном мундире. Отец поднял глаза и встретился взглядом с Майлзом.

– Что-то с дедом, сэр? – тихо спросил Майлз.

Новоиспеченный граф Форкосиган кивнул головой.

– Дедушка скончался во сне, часа два тому назад. Думаю, боли он не испытывал. – Голос отца не дрожал, но лицо было старчески изможденным, хотя на нем и застыла маска профессиональной невозмутимости. Глаза отца показались Майлзу на какой-то миг глазами несчастного ребенка, и это перепугало его больше, чем новая, глубокая складка у губ.

На глаза Майлза навернулись слезы, и он сердито смахнул их тыльной стороной ладони.

– К черту! – пробормотал он прерывающимся голосом. Никогда в жизни Майлз не чувствовал себя таким маленьким.

Отец как-то странно посмотрел на него.

– Я... – начал он и осекся. – Ты ведь знаешь, он уже несколько месяцев был на волоске...

А вчера я этот волосок перерезал, подумал Майлз, чувствуя себя совершенно несчастным. Моя вина... Но вслух он сказал:

– Да, сэр.

Похороны старого графа превратились прямо-таки в событие государственной важности. Три дня пышных церемоний безмерно утомили Майлза.

Соболезнования. Надгробные речи. Процессия, для которой Грегор Форбарра выделил императорский военный оркестр и отряд конной гвардии в парадных мундирах. Погребение.

Майлз думал, что его дед – последний представитель эпохи имперского величия. Теперь он убедился в своей ошибке. Из каких-то закоулков повыползали древние служаки, из которых песок сыпался, и их дамы, все в черном, как вороны, – жуткое зрелище. Мрачно-вежливый, Майлз терпеливо сносил шокированные и сочувствующие взгляды, когда его представляли как внука Петера Форкосигана, и выслушивал бесконечные воспоминания о людях, которые умерли задолго до его рождения и о которых он надеялся никогда больше не услышать.

Даже после того, как была брошена последняя лопата земли на могильный холм, конца нашествию не предвиделось. К вечеру дом Форкосиганов заполнила куча народа – друзья, знакомые, общественные деятели, их жены, зеваки, любители визитов и столько родственников, что Майлза пробрала дрожь.

Отец и мать стояли внизу, встречая гостей. Долг аристократа для отца всегда был связан с политическим долгом; Майлз мужественно нес вахту рядом с родителями. Но когда прибыли Форпатрилы, он не выдержал и решил удрать в последнюю крепость, еще не занятую вражескими войсками. Майлз уже слышал, что Айвен прошел в академию, и вникать в подробности этого события было ему сейчас не под силу. Стащив пару роскошных цветов с какого-то похоронного украшения, он поднялся на лифте на верхний этаж и постучал в резную дверь.

– Кто там? – донесся приглушенный голос Элен. Майлз надавил на ручку с эмалевым рисунком, дверь приоткрылась, и он просунул в щель руку с цветами.

Элен радостно откликнулась: – Входи, Майлз, входи.

Он проскочил в дверь, до смешного тощий в своем траурном костюме, и вопросительно улыбнулся:

– Как ты догадалась, что это я?

– Ну, это мог быть либо ты, либо... Никто мне не протягивает цветы, стоя на коленях. – Ее взгляд невольно задержался на уровне дверной ручки, выдавая, каким образом Элен без труда догадалась, кто ее посетитель.

Майлз немедленно опустился на колени, быстро-быстро заерзал по ковру и с торжественным видом вручил ей цветы.

– Прошу! – воскликнул он, и девушка от удивления рассмеялась. Зато проклятые ноги его не выдержали такого варварства и ответили болезненной судорогой. Майлз отдышался и добавил гораздо тише: – М-м-м... Ты не поможешь мне? Эти проклятые гравитонные костыли...

– О Боже... – Элен помогла ему добраться до своей узкой постели, заставила прилечь, а сама вернулась в кресло.

Майлз покрутил головой, осматривая крохотную спальню.

– Тебе что, не могли выделить чего-нибудь посимпатичнее этого чулана?

– Мне здесь нравится. Особенно окно на улицу, – сказала Элен. – Да и комната даже больше, чем у моего отца. – Она понюхала цветы, и Майлз тотчас же пожалел, что не выбрал другие, подушистее. И вдруг Элен подняла на него недоумевающие глаза: – Майлз, где ты их взял?

Он покраснел, чувствуя себя слегка виноватым.

– Позаимствовал у деда. Можешь мне поверить, никто не заметит недостачи. Там, внизу, настоящие джунгли.

Элен беспомощно покачала головой.

– Ты не исправим.

– Ты не сердишься? – тревожно спросил он. – Мне подумалось, что ты от них получишь больше удовольствия, чем дед.

– Лишь бы никто не вообразил, будто я их стащила.

– Отсылай всех ко мне, – великодушно разрешил Майлз, вздернув подбородок и не спуская глаз с задумавшейся девушки, разглядывающей цветы. – О чем ты сейчас думаешь? Что-нибудь печальное?

– У меня, наверное, не лицо, а какое-то окно. Совершенно прозрачное.

– И вовсе нет. У тебя лицо – как... как поверхность воды. Сплошные отражения и отсветы. И никогда не знаешь, что там в глубине. – Он понизил голос, показывая, сколь таинственны эти глубины.

Элен строила презрительную гримаску, но потом вздохнула.

– Я думала... Я-то ведь не положила ни цветочка на могилу матери...

Майлз оживился – у него сразу возник интересный проект.

– А ты хочешь? Мы могли бы выскользнуть с заднего хода... Нагрузить телегу-другую... И никто бы не заметил.

– Ну уж нет! – вознегодовала девушка. – Ты и так провинился. – Она повернула цветы к холодному дневному свету. – Я ведь даже не знаю, где ее могила.

– Да? Как странно. Сержант Ботари до того заиклен на твоей покойной матушке... Я был уверен, что он регулярно совершает паломничества к ее могиле. Впрочем, он, наверное, не любит вспоминать о ее смерти...

– Тут ты прав. Однажды я спросила – почему бы нам вместе не побывать там, где она похоронена. Но это было все равно, что разговаривать со стеной. Ты же знаешь, как с ним бывает.

– Да, иной раз он действительно похож на стенку – ту, которая вдруг обрушивается на кого-то. – В глазах Майлза зажегся огонек: проблема заинтересовала его, хотя пока лишь теоретически. – А может он чувствует себя виноватым? Или твоя мать оказалась одной из тех женщин, что умирают при родах?.. Ведь она умерла примерно тогда же, когда ты родилась, так?

– Он говорил, что мать попала в авиакатастрофу.

– А-а.

– Но в другой раз сказал, что она утонула.

– Да? – Огонек интереса разгорелся еще ярче и упрямее. – Но если флайер упал в воду, то оба объяснения могут быть верными. Или если сам сержант катапультировался где-нибудь над рекой...

Девушка вздрогнула. Майлз заметил это и обругал себя бесчувственным болваном.

– О, я не хотел... Я сегодня в таком гнусном настроении. – Все из-за этого чертова траура. – Он взмахнул руками, изображая общипанного стервятника, и на некоторое время замолчал, размышляя о церемониях, связанных со смертью. Элен тоже приумолкла, глядя вниз, на вереницу сильных мира сего, входящих в дом или покидающих его.

– Мы могли бы разузнать, – внезапно объявил Майлз. Элен непонимающе уставилась на него.

– Что?

– Где похоронена твоя мать. И никого не пришлось бы спрашивать.

– А как?

Майлз усмехнулся и встал.

– А вот не скажу. Ты можешь испугаться, как в тот раз, когда мы исследовали пещеры за Форкосиган-Сюрло и наткнулись на позабытый партизанский склад оружия. Другого такого случая покататься на старом танке больше не представится.

Элен некоторое время отнекивалась – видимо, у нее сохранились слишком яркие воспоминания о приключении, хотя она и не попала тогда под оползень. Но в конце концов все-таки последовала за ним.

Они осторожно вошли в темную библиотеку. Майлз задержался около часового и, доверительно понизив голос, попросил:

– Ты не мог бы вроде как подергать ручку, если кто-нибудь будет подходить, а, капрал? Нам бы... м-м-м... не хотелось, чтобы нас застали врасплох.

Охранник ответил понимающей ухмылкой.

– Конечно, лорд Май... лорд Форкосиган.

– Майлз, – свирепо зашептала Элен, когда закрывшаяся дверь отсекала говор, позвякивание серебра и хрусталя и шаги, слуг в соседних комнатах, где продолжались поминки по старому графу Петеру Форкосигану. – Ты представляешь, что он может подумать?

– Всяк подозревает в меру своей испорченности, – весело бросил он через плечо. – Лишь бы не догадались вот об этом... – Майлз приложил ладонь к сенсорной пластине большого пульта, возвышавшегося перед камином резного мрамора; сюда была подведена сверхзащищенная линия связи с императорской резиденцией и генеральным штабом. Элен даже ойкнула от удивления, когда перед ними, прямо в воздухе замерцала трехмерная голографическая матрица. Несколько пассов руками, и экраны ожили.

– А я-то была уверена, что все это чертовски секретно!

– Конечно. Просто капитан Куделка давал мне кое-какие уроки, ну... раньше, когда я готовился в академию. Он иногда связывался с армейскими

компьютерами, чтобы поиграть со мной в штабные игры. Я так и думал, что он забудет стереть мой допуск... – Майлз деловито набрал сложную комбинацию команд.

– А что ты делаешь сейчас? – почтительно спросила Элен.

– Ввожу код капитана Куделки. Чтобы меня подключили к военным архивам.

– Господи, Майлз!

– Не беспокойся. – Он похлопал ее по руке: – Мы же здесь всего лишь тискаемся, ты что, забыла? Никто сюда не войдет, разве что капитан Куделка, а он не будет возражать. Промеха быть не должно. Пожалуй, лучше всего начать с личного дела твоего отца. А-а, вот... – В толще матрицы сооткнулся плоский экран, на нем стали появляться строчки текста. – Тут обязательно будет что-нибудь про твою мать, и мы это используем, чтобы получить всю информацию... – Майлз замолчал на секунду и откинулся назад, потом несколько раз нажал клавишу, переходя с экрана на экран.

– Ну что? – взволнованно спросила Элен.

– Я хотел поглядеть записи за период незадолго до твоего рождения... Кажется, он ушел из армии как раз в это время, так?

– Так.

– Он когда-либо говорил тебе, что был уволен по медицинским показаниям, против воли?

– Нет... – Она заглянула через его плечо. – Занятно. И тут не сказано, почему.

– О, здесь есть вещи еще занятнее. Его личное дело за год, предшествующий твоему рождению, закрыто, к тем файлам нет доступа. И код запрета жутко крутой. Я не могу его снять – сразу начнется перепроверка, а за этим... Да, здесь личный пароль капитана Иллиана. Вот уж с кем мне точно не хотелось бы беседовать. – Майлз похолодел от одной только мысли, что может случайно привлечь к себе внимание главы Имперской службы безопасности. – Ладно,

давай попутешествуем во времени, – продолжал он. – Назад, дальше, дальше... Похоже, твой отец не очень-то ладил с этим Форратьером.

Глаза Элен загорелась любопытством.

– Это тот адмирал Форратьер, которого убили возле Эскобара?

– М-м... Да, Джесс Форратьер. Да-а... – Оказалось, Ботари был денщиком адмирала в течение нескольких лет. Это Майлза удивило, ему с детства казалось, что Ботари нес строевую службу в частях, которыми командовал его отец. Пребывание Ботари у Форратьера закончилось целой серией выговоров, дисциплинарных взысканий и зашифрованных медицинских данных. Помня, что Элен смотрит через его плечо, Майлз быстро проскочил этот раздел. Все здесь выглядело как-то странно. Упоминались нелепые мелкие проступки, за которые Ботари был сурово наказан. Другие прегрешения, куда серьезнее – вот скажем, неужто Ботари и вправду продержал какого-то техника в уборной шестнадцать часов, наставив на него плазмотрон? Зачем, Господи, зачем? И все это погребено в медицинском отчете – никакого наказания не последовало.

Чем дальше он шел назад во времени, тем обычнее становилось дело. В возрасте от двадцати до тридцати лет Ботари участвовал во многих сражениях.

Благодарности, упоминания в приказе, отметки о ранениях, снова благодарности. Отличные оценки за боевую подготовку. Запись о поступлении в армию.

– В те времена было куда проще пробиться на военную службу, – завистливо сказал Майлз.

– Ой, а мои дедушка с бабушкой тут упоминаются? – заволновалась Элен. – Он о них никогда не говорит. Насколько я поняла, его мать умерла, когда он был ребенком. Он мне так и не сказал, как ее звали.

– Мария, – промолвил Майлз, вглядываясь в нечеткий текст.

– Как мило! – обрадовалась Элен. – А как звали его отца?

Ай-ай-ай, подумал Майлз. Хотя копия фотостата и была мутной, он все же легко разобрал слово «неизвестен», внесенное крупным почерком какого-то давно забытого писаря. Майлз судорожно сглотнул, поняв наконец, почему словечко «ублюдок», вызывает у Ботари бешеную реакцию, в то время как другие, более сильные выражения, отскакивают от него, как от стенки горох, – он сносит их с терпеливым презрением.

– Может, мне удастся разобрать, – предложила Элен, ошибочно истолковав причину задержки.

Легкое движение руки, и экран погас.

– Отца звали Константин, – отчеканил Майлз, пресекая дальнейшие расспросы. – Как и его самого. Но родители умерли задолго до его поступления на службу.

– Константин Ботари-младший, – задумчиво сказала Элен. – Поня-ятно.

Майлз тупо уставился на пустой экран. Теперь между ними вбит еще один клин, еще один дурацкий предрассудок. Незаконнорожденный отец... Трудно придумать что-либо худшее, что-нибудь более непристойное с точки зрения традиционной общественной морали Барраяра. Очевидно, что происхождение Ботари не могло остаться секретом: адмирал Форкосиган определенно в курсе дела, да и еще невесть сколько народу... Так же очевидно, что Элен не догадывается ни о чем. Она по праву гордилась отцом, его службой в элитных войсках, его нынешним положением доверенного лица. Майлз знал, насколько упорно добивалась она хоть какого-то знака одобрения от этой старой каменной глыбы. Как странно – неужели Ботари боялся потерять восхищение, которое едва замечал? Ну что ж, сержант, ты можешь быть спокоен: твой воспитанник тебя не выдаст.

Майлз быстро проскочил годы службы Ботари в обратном направлении.

– О твоей матери по-прежнему ни слуху, ни духу, – сообщил он. – Она наверняка в том закрытом отделе. Вот черт. А я-то думал, что мы с тобой все выясним за две минуты. – Он задумчиво уставился в пространство. – Давай посмотрим архивы больниц. Смерти, рождения... Ты точно родилась здесь, в Форбарр-Султане?

– Насколько мне известно, да.

После тщательного поиска Майлзу удалось обнаружить нескольких Ботари, но никто из них не приходился родней ни сержанту, ни Элен. И тут его осенило:

– Ага! Я знаю, что еще надо попробовать. Имперский госпиталь!

– Да ведь там нет акушерского отделения, – с сомнением сказала Элен.

– Но если с женщиной произошел несчастный случай? Она ведь жена солдата и все такое, – значит, ее должны были сразу отвезти в ближайшую больницу, а ею мог оказаться и имперский госпиталь... – Он склонился над клавиатурой, негромко напевая. – Ищем, ищем... Ага!

– Ты нашел меня? – возбужденно спросила Элен.

– Нет, я нашел себя. – Он просматривал документацию, страница за страницей. – Небось военным медикам пришлось попотеть, чтобы справиться с их собственным изобретением, этим чертовым газом. Мне повезло – к тому времени уже были завезены маточные репликаторы... Да, вот они... А вот и старый добрый доктор Вааген... Стало быть, он тоже когда-то занимался военными исследованиями. Похоже на правду – наверно, он у них был экспертом по газам. Жаль, я не знал об этом, когда был пацаном, а то мог бы настаивать, что у меня два дня рождения: один – когда маме сделали кесарево сечение, а второй – когда меня в конце концов вытащили из репликатора.

– А какой день выбрали твои родители?

– День кесарева сечения. Ну и правильно – так я всего на полгода моложе тебя. А иначе ты была бы почти на год старше, а меня предупреждали, что общаться с женщинами преклонного возраста опасно... – Его болтовня наконец была вознаграждена улыбкой, стоившей любых усилий, и в порыве энтузиазма Майлз быстро ввел еще один запрос.

– Странно, – пробормотал он.

– Что странно?

– Секретный военно-медицинский проект, и директор проекта – мой отец, ни больше ни меньше.

– Никогда бы не подумала, что он занимался исследованиями, – с уважением сказала Элен. – Он везде успевал, я смотрю.

– Вот это и любопытно. Он же военный, работал в генштабе и никогда не занимался никакой наукой, насколько я знаю. – Майлз ввел еще один запрос, и на экране снова появился уже знакомый шифр Имперской службы безопасности. – Черт! Еще один замок. Задаешь простой вопрос и упираешься в каменную стенку... А вот и доктор Вааген, бок о бок с папенькой. Значит, в действительности проектом руководил он. Тогда все понятно. Как бы пробиться через этот код, дьявол бы его побрал... – Майлз начал еле слышно насвистывать, рассеянно глядя перед собой.

Порыв девушки, похоже, остыл.

– Ну вот, ты опять уперся, как осел, – беспокоилась она. – Может, лучше бросим все это? Теперь уже неважно...

– Здесь нет пароля капитана Иллиана, – пробормотал Майлз.

Элен прикусила губу.

– Послушай, это действительно... – но его пальцы уже забегали по клавиатуре. – Что ты делаешь?

– Пробую один из старых кодов отца. Вроде бы я помню его целиком, только в паре цифр не совсем уверен. Так... Гол!

На дисплей потоком хлынула информация и Майлз впился взглядом в мерцающие строчки. – Так вот откуда взялись маточные репликаторы! Их привезли с Эскобара, когда закончилась война. Трофеи, вот что это такое. Их было семнадцать, и все заряжены и в рабочем состоянии. В те времена подобные штуки наверняка казались высокими технологиями. Интересно, а наши не стащили их на Эскобаре, просто-напросто?

Элен побледнела.

– Майлз, они там ничего страшного не делали? Эксперименты на людях или что-нибудь такое... Ведь твой отец ни за что не позволил бы...

– Не знаю. Доктор Вааген иногда может и... как бы это сказать... может заикнуться на какой-то исследовательской проблеме. – В голосе его вдруг послышалось облегчение. – А-а, теперь понятно. Теперь я вижу, в чем тут дело. Смотри... – Голоэкран начал разворачивать еще одну архивную запись; Майлз указал ее пальцем. – Их всех отослали в Имперский приют для детей военнослужащих. Это, должно быть, дети солдат, погибших на Эскобаре.

– Дети погибших? А где же их матери?

Они уставились друг на друга.

– Но у нас в армии никогда не было женщин. Разве что несколько вольнонаемных медтехников... – начал Майлз.

Длинные пальцы Элен крепко сжали его плечо.

– Проверь даты.

Он нажал на клавишу, и на экране вновь замелькали столбцы текста.

– Вот, нашел. – Он остановил дисплей. – Грудная девочка. Отдана под расписку адмиралу Эйрелу Форкосигану. Ее не послали вместе с другими в приют.

– Но дата, дата, Майлз! Это же мой день рождения!

Он оторвал ее пальцы от своего плеча.

– Знаю. Ты мне ключицу сломаешь.

– Это могла быть я? Это я? – Лицо девушки исказилось отчаянием и надеждой.

– Ну... Ты же знаешь, бывают всякие совпадения, – осторожно заметил Майлз. – Но существует масса способов идентификации личности – дактилоскопия, рисунок сетчатки, группа крови... Поставь-ка ногу вот сюда.

Элен запрыгала то на одной, то на другой ноге, стаскивая туфли и чулки. Майлз помог ей прижать правую ступню к сенсорной плате компьютера. Он едва сдержался – так хотелось коснуться шелковистой кожи бедра, и провести рукой под скомканной юбкой. Он закусил губу, надеясь, что боль поможет сосредоточиться. Ох, эти проклятые узкие штаны! Авось, она ничего не заметит...

Ему действительно пришлось сосредоточиться, чтобы запустить программу оптической лазерной съемки. По подошве прошелся мерцающий красный свет; это длилось несколько секунд. Новая команда – и компьютер приступил к расшифровке дактилоскопического узора.

– Ну, если принять во внимание разницу между грудным ребенком и взрослой девушкой... Господи, Элен, это и вправду ты! – Майлз самодовольно улыбнулся. Уж если не суждено стать солдатом, то, может, из него выйдет неплохой детектив...

– Но что это означает? – потемневший взгляд Элен пригвоздил его к месту. – Кто я, подкидыш? Или меня изготовили искусственно? – На ее глазах появились слезы, голос задрожал. – У меня что, вообще не было матери? Приемный отец, а я...

Ликование Майлза по поводу своих детективных способностей моментально испарилось. Болван! Теперь он превратил ее мечту в кошмар... Надо срочно исправлять положение.

– Да нет, нет! Что за чепуха! Конечно, ты дочь своего отца, это же каждому видно... Значит, твоя мать погибла на Эскобаре, а не здесь. Только и всего. И потом, – он вскочил и торжественно провозгласил: – теперь ясно, что ты моя сестра, которую я потерял давным-давно...

– Как?!

– А вот так! Есть один шанс из семнадцати, что мы оба вышли из одного репликатора! – И Майлз закружился вокруг нее в комическом танце. – Ты одна семнадцатая моей сестры! Близнец на одну семнадцатую! Как в четвертом акте хорошей пьесы. Так что гляди веселей – в следующей сцене придется тебе выскочить замуж за принца!

Она засмеялась сквозь слезы, и в этот миг в коридоре слышались шаги и голоса, а часовой за дверью неестественно громко произнес: «Добрый вечер, сэр!»

– Туфли! Дай мне туфли! И чулки! – паническим шепотом скомандовала Элен.

Майлз сунул ей все, выключил компьютер и, подскочив к дивану, упал на него, прижимая девушку к себе. Она смеялась и ругалась, судорожно пытаясь надеть вторую туфлю. Щеки были еще мокры от слез.

Он запустил руку в блестящие душистые волосы и пригнул ее голову ближе, к своему лицу.

– Надо, чтобы было правдоподобно. А то мне влетит по первое число... – Он неуверенно замолчал, улыбка его исчезла, взгляд посерьезнел. После секундной заминки она прильнула к его губам.

Вспыхнул свет; они отпрянули друг от друга. Майлз оглянулся через плечо и обомлел.

Капитан Куделка. Сержант Ботари. Отец.

Физиономия сержанта напоминала скалу, покрытую изморозью. Граф Форкосиган мрачнел на глазах. Капитан старался сохранить степенный и невозмутимый вид, но уголок губ предательски дергался, загибаясь кверху.

Майлз наконец нашелся.

– Хорошо, – сказал он твердым учительским тоном. – Потом, после строчки «Дай мне сию награду», ты говоришь: «От всего сердца; и как я рада видеть тебя раскаивающимся...» – Он почти нагло глянул на отца. – Добрый вечер, сэр. Мы

здесь помешаем, наверно? Надо отыскать другой уголок для репетиций...
Пойдем, Элен!

– Да-да, пойдем, – пискнула Элен, живо подхватывая спасительную соломинку. Майлз потащил ее к выходу; по пути она успела довольно глупо улыбнуться трем взрослым. Капитан Куделка ответил широкой ободряющей улыбкой, граф каким-то образом умудрился улыбнуться ей и угрожающе нахмуриться в адрес Майлза. Сержант демократично хмуро взирал на всех.

– Хотела бы я знать, чем ты так доволен? – свирепо зашептала Элен, когда они поднимались на пневматическом лифте.

Майлз сделал пируэт, даже не пытаясь изобразить раскаяние.

– Стратегически необходимое отступление, и притом в полном порядке. А что еще нам оставалось, когда противник превосходит нас числом, вооружением и чином? Мы всего лишь репетировали старую пьесу. Все очень мило и прилично. Кто бы стал возражать? Я гений.

– Ты идиот, – отрезала Элен. – У тебя на плече мой чулок.

– Ой. – Он повернул голову, осторожно взял двумя пальцами невесомую вещицу, и протянул ей с извиняющейся улыбкой. – Да, пожалуй, выглядело это не совсем...

Элен свирепо схватила чулок.

– Теперь отец изведет меня нотациями... Он и без того смотрит на любого, кто ко мне приближается, как на потенциального насильника. А сейчас запретит мне разговаривать с тобой. Или отошлет в деревню... – Глаза Элен наполнились слезами. – И ко всему прочему он мне солгал... солгал насчет матери...

Она кинулась в свою комнату и захлопнула за собой дверь с такой силой, что чуть не прищемила Майлзу руку. Он задергал ручку и попробовал докричаться до Элен:

– Но это же еще неизвестно! Наверняка всему есть логическое объяснение... Я попробую разобраться...

– Уходи! – донесся гневный приглушенный голос.

Майлз немного побродил по коридору, надеясь, что Элен выплечется и откроет, но из комнаты не слышалось ни звука. Часовой в конце коридора вежливо не обращал на него внимания; охрана премьер-министра славилась не только бдительностью, но и деликатностью. Майлз выругался про себя и побрел к лифту.

Глава 4

В коридоре на первом этаже он столкнулся с матерью.

– Ты не видел отца, радость моя? – спросила графиня Форкосиган.

– Видел, – пробурчал Майлз (мысленно добавив: «К несчастью»). – Он пошел в библиотеку с капитаном Куделкой и сержантом.

– Боевые друзья собрались выпить где-нибудь в уголке, – иронически констатировала мать. – Ну что ж, трудно его винить. День был ужасный. А он почти не спал. – Она внимательно посмотрела на сына. – А ты? Выспался?

Майлз пожал плечами.

– Да ничего.

– Ну-ну. Надо изловить отца, пока он не набрался как следует. После выпивки он, к несчастью, становится грубоват. А тут как раз пожаловал этот сукин сын граф Фордроза, да еще в компании с адмиралом Хессманом. Отцу предстоят нелегкие дни, если эти двое споются.

– Сомневаюсь, чтобы «ястребы» смогли заручиться достаточной поддержкой. Старые вояки безоговорочно поддерживают папин курс, – ответил Майлз.

– Да Фордроза в душе вовсе и не «ястреб». Просто его обуревают честолюбие, и он готов вскарабкаться на любого конька, лишь бы тот двинулся в нужном направлении. Он уже несколько месяцев пресмыкается вокруг Грегора... – В серых глазах графини сверкнул гнев. – Лесть, намеки, критика в папин адрес и эдакие гнусные маленькие шпильки, когда представляется удобный момент. Насмотрелась я на это. Терпеть его не могу, – решительно заключила она.

– Ну, насчет Грегора тебе уж точно не стоит волноваться, – ухмыльнулся Майлз. Его всегда забавляла привычка матери говорить об императоре так, словно он был ее приемным сыном. Впрочем, для этого имелись некоторые основания, поскольку адмирал Форкосиган в годы своего регенства был не только политическим, но и личным опекуном будущего императора.

Она недовольно нахмурилась.

– Фордроза не единственный, кто, не задумываясь, совратит глупого мальчишку. Причем совратит в любом смысле – моральном, политическом, каком угодно. А на благо страны и самого Грегора им наплевать. – Майлз тотчас же определил эти слова как цитату из собственного отца: никаких других политических авторитетов на Барраяре леди Форкосиган не признавала. – Не понимаю, почему наше правительство так боится принять конституцию. Верность средневековым традициям – хорошенький способ управлять звездной державой! – А вот это уже ее собственные мысли, чисто бетанские.

– Папа уже столько лет у власти, – успокаивающе заметил Майлз. – Мне иногда кажется, что его не сдвинуть с места даже гравитонной торпедой.

– Пробовали уже, – сдержанно отозвалась мать. – Пора бы отцу всерьез подумать об отставке. Пока что нам везло... по большей части. – Она с грустью взглянула на своего покалеченного сына.

– И это вечное политиканство, – помолчав, устало продолжала мать. – Даже на похоронах... А уж эти родственнички... – тут ее голос немного оживился. – Если увидишь отца раньше, чем я, скажи ему, что его разыскивает леди Форпатрил. То-то он обрадуется... Хотя нет, не говори. А то он непременно напьется.

Майлз поднял брови.

– А что ей нужно от отца на этот раз?

– Ну, она считает, что с тех пор, как умер лорд Форпатрил, Эйрел должен быть вместо отца этому болвану Айвену; я не возражаю, но всему есть мера. Сейчас, например, проблема состоит в том, чтобы дать Айвену хорошую взбучку за то, что он... как это... спит с горничными. Я никогда не могла понять, почему бы здешней знати не стерилизовать временно своих лоботрясов, – лет этак с двенадцати, – и отпускать их на травку, пусть резвятся, раз уж им так невтерпеж. Это было бы разумно. Как их остановишь? Все равно что набросить платок на самум... – Она вздохнула и направилась к библиотеке с обычным своим резюме: – Барраярцы проклятые...

За окнами сгустился вечерний сумрак, а поминки в доме Форкосиганов все продолжались. Проходя по коридору, Майлз поглядел на свое отражение в темном стекле. То, что он увидел, его не обрадовало – взъерошенные волосы, серые глаза, бледное лицо со слишком резкими, заостренными чертами. Да, на красавца он явно не тянет.

Голод напомнил Майлзу, что он так и не пообедал сегодня. Надо тихо прокрасться в столовую, чтобы не наткнуться на какого-нибудь из этих жутких старцев, и набрать себе сандвичей. Выглянув в холл, и никого там не обнаружив, Майлз подскочил к столу и принялся без разбора сваливать в салфетку все закуски, какие подворачивались под руку.

– Только не бери вон то красное барахло, – прошептал знакомый приветливый голос. – По-моему, это какие-то водоросли. Твоя мать опять увлеклась какой-нибудь сумасшедшей диетой?

Майлз заметил своего кузена, Айвена, уже успевшего нагрузиться таким же кульком с яствами. Несмотря на добычу, открытая, раздражающе красивая физиономия молодого Форпатрила хранила тоскливое, и даже слегка затравленное выражение. Новенький, с иголочки кадетский мундир сидел на нем очень ловко, но с одного бока как-то странно оттопыривался.

– Вам что, уже разрешили носить оружие? – удивился Майлз.

– Какое к черту оружие. – Айвен воровато оглянулся – возможно, опасаясь появления леди Форпатрил, – потом распахнул мундир. – Бутылка из запасов твоего папеньки. Отобрал у слуги, прежде чем он разлил ее по этим крохотным стаканчикам. Слушай, ты не мог бы провести меня в какой-нибудь укромный уголок этого мавзолея? А то охрана не позволяет мне бродить по резиденции одному. Вино у вас приличное, еда еще лучше, за исключением этих красных штукун, но, Бог мой, что за компания!

Майлз кивнул, соглашаясь, хотя втайне и был склонен включить братца в эту самую «компанию».

– Ладно. Раздобудь еще бутылку, – распорядился он, решив, что при достаточном возлиянии можно будет вытерпеть даже общество кадета Форпатрила. – Спрячемся в моей спальне, я как раз туда направляюсь. Встретимся у лифта.

* * *

Майлз со вздохом вытянулся на койке; Айвен разложил еду и откупорил первую бутылку. Наполнив до краев взятые из ванной пластмассовые стаканчики, он подал один из них своему калеке-кузену.

– Я видел, как старик Ботари вынес тебя с поля, – тут он сделал добрый глоток, и Майлз представил, как возмутился бы старый граф, если бы стал свидетелем такого варварского истребления благородного напитка. Сам он лишь слегка пригубил свой стакан, стараясь при этом лучше оценить букет – из почтения к памяти старика: дед иногда язвительно говаривал, что Майлз неспособен отличить хорошее вино от воды, в которой полощут чашки. – Жаль, конечно, – бодро продолжал Айвен. – Хотя вообще-то тебе повезло.

– Как это? – пробормотал Майлз, вонзая зубы в бутерброд.

– Точно тебе говорю. Завтра у нас начинается муштра...

– Да я уж слышал.

– Мне нужно явиться в казарму не позже полуночи. Я думал, хоть последнюю ночь повеселюсь как свободный человек, а вместо того застрял здесь. Это все матушка. Но скоро нас приведут к присяге – и тогда посмотрим, посмеет ли она обращаться со мной как с мальчишкой. – Он ненадолго умолк, расправляясь с бутербродом. – Так что вспомни про меня завтра на рассвете: я буду месить грязь под дождем, а ты тут будешь нежиться в теплой постельке...

– Вспомню-вспомню. – Майлз глотнул вина, потом сделал еще глоток. И еще.

– За три года там всего три увольнительных, – сокрушался Айвен, не переставая набивать рот. – Не многим лучше тюрьмы. Не зря службу называют лямкой. Хотя вернее назвать рабством. – Он одним духом осушил стакан, запивая пирожок. – А ты сам себе хозяин. Что хочешь, то и делаешь.

– Да уж, – равнодушно согласился Майлз. Его услуги не были нужны никому – ни императору, ни кому-либо другому. Он не мог их ни продать, ни даже отдать даром...

Через некоторое время, утолив первый голод, Айвен опасливо заметил:

– А твой папаша нас не застукает?

– Ты что, боишься его? – бросил Майлз.

– Да кто же его не боится? Весь генштаб бледнеет, стоит ему открыть рот. А я какой-то зеленый кадетишка. Ты-то сам разве не боишься?

Майлз подумал.

– Нет, пожалуй. В общем, не так, как ты это представляешь. Но если ты не хочешь попадаться ему на глаза, то здесь действительно не самое лучшее место, по крайней мере, сегодня, – добавил он, припомнив недавнюю сценку в библиотеке.

– Да? – Айвен в сомнении повертел стакан. – У меня всегда было такое чувство, что дядя меня не больно жалуется...

– Да нет, тебе кажется, – утешил брата Майлз. – Хотя лет до четырнадцати я думал, что тебя зовут «этот-болван-Айвен». – Он оборвал себя, вновь осознав разницу в их положении. Кто здесь болван, а кто – счастливчик? Заснуть бы поскорее и забыть обо всем...

В дверь властно постучали, и Айвен испуганно вскочил.

– О черт, уж не он ли случайно?

– Когда заходит старший офицер, младшему положено встать и отдать честь, а не лезть под кровать.

– А я и не собирался лезть под кровать, – возразил Айвен. – Я хотел спрятаться в туалете.

– Не стоит. Уверяю тебя, тут будет такая пальба, что никто не заметит, как ты удерешь. – И Майлз громко отозвался: – Войдите!

Это и вправду был граф Форкосиган. Взгляд его серых глаз был холоден, как ледник в пасмурный день.

– Майлз, – начал он без предисловия, – из-за чего эта девушка расплакалась? Что ты наде... – Тут он запнулся, заметив стоящего навтыжку Айвена, и продолжал уже обычным своим беззлобно-ворчливым тоном: – А-а, черт. Я-то надеялся, что сегодня ты мне не попадешься. Думал, у тебя хватит ума найти укромное местечко и быстренько набраться. Айвен не сводил с графа испуганных глаз.

– Сэр... Дядя Эйрел... А... матушка с вами говорила, сэр?

– Да, – вздохнул граф Форкосиган, и кадет побледнел, не разглядев веселых огоньков в полуприкрытых глазах всесильного премьер-министра.

Майлз задумчиво провел пальцем по горлышку бутылки.

– Айвен зашел выразить мне сочувствие по поводу моей травмы, сэр.

Братец усиленно закивал в подтверждение.

– Понятно, – сухо сказал граф Форкосиган, и Майлз почувствовал, что отцу действительно все понятно. Граф опять вздохнул и с легкой усмешкой обратился к Айвену: – Вот служу почти пятьдесят лет, и до чего я дослужился? Мною пугают мальчишек, чтоб хорошо себя вели. Людоед, который питается непослушными детьми, вот кто я такой. – Премьер-министр угрожающе расставил руки и рявкнул: – Вот я тебя!.. Можешь считать, что экзекуция состоялась и топай отсюда. Иди, иди, малыш.

– Да, сэр. – Повеселевший Айвен отдал честь.

– И не смей козырять, – резко добавил граф. – Ты пока еще не офицер. – Казалось, он только сейчас заметил мундир племянника.

– Да, сэр. Нет, сэр. – Пунцовый от избытка ощущений Айвен выскочил из комнаты. Губы графа Форкосигана дрогнули в улыбке.

«А я-то был уверен, что мне никогда не придется благодарить моего кузена», – подумал Майлз.

– Итак, сэр?.. – подсказал он отцу.

Граф не сразу собрался с мыслями, а когда заговорил, голос его звучал гораздо спокойнее.

– Почему Элен расплакалась, сынок? Ты к ней не... приставал?

– Нет, сэр. Я знаю, что все выглядит именно таким образом, но я не трогал Элен. Могу поклясться.

– Незачем. – Граф подтянул к себе стул и уселся. – Я верю, что ты не собираешься подражать этому болвану Айвену. Но я хочу тебе напомнить, что философия твоей матери в области... э-э... секса – бетанская, скажем прямо, философия – уместна только на Колонии Бета. Возможно, когда-нибудь она приживется и здесь, но не теперь. И я хочу, чтобы ты раз и навсегда уяснил для себя, что Элен Ботари – совершенно неподходящий объект для опытов в этом направлении.

– А почему? – неожиданно спросил Майлз. Отец изумленно поднял брови, и Майлз быстро продолжил: – Я не понимаю, почему ее надо во всем ограничивать и стеснять. Ее же все время пеленают, шагу не дают ступить без провожатых. А она умная, она... она красивая, и сильная... Она могла бы меня пополам переломить, если б захотела. Так почему ей не получить, например, приличное образование? Сержант из всех сил противится этому. Единственное, что его заботит, – это приданое. Как бы сколотить дочери приличное приданое. И он никогда не позволяет ей путешествовать... А это дало бы ей в тысячу раз больше, чем любой из родовитых девиц, каких я знаю. – Майлз умолк, задохнувшись от волнения.

Граф Форкосиган задумчиво провел рукой по спинке стула.

– Все это верно. Только... Элен значит для сержанта гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Она для него – символ... символ всех его надежд... Не знаю, как тебе объяснить... Она – залог разумности и даже необходимости его жизни. Я многим обязан ему, и я должен оберегать этот залог.

– Да-да, я понимаю, – нетерпеливо оборвал его Майлз. – Но разве справедливо, что твоя признательность сосредоточена на отце и совсем не затрагивает дочь?!

Граф, видимо растроенный, начал снова:

– Я обязан ему жизнью, Майлз. И своей, и твоей матери. Это не преувеличение: всем, что я сделал для Барраяра в последние восемнадцать лет, я обязан ему. И еще я обязан ему твоей жизнью, которую он спас дважды, а следовательно, тем, что не сошел с ума, хотя последнее и не бесспорно, как выразилась бы твоя мать. Если Ботари захочет получить с меня этот долг, он имеет право требовать все, что угодно. – Граф задумчиво потер подбородок. – И еще: в настоящее время я бы очень хотел избежать каких-либо домашних скандалов. Мои противники высматривают любой повод, любой рычаг, чтобы опрокинуть меня. Пожалуйста, не дай им превратить тебя в этот рычаг.

«Интересно, что же все-таки творится сейчас в правительстве? – в который раз подумал Майлз. – Хотя вряд ли я дождусь объяснений... Кто я? Лорд Майлз Нейсмит Форкосиган. Профессия: бездельник и болтун. Хобби: падать со стен, отнимать жизнь у стариков, доводить до слез девушек...» Он страстно желал, чтобы представился случай хотя бы помириться с Элен, но чем теперь рассеять

ее страхи? Единственное, что приходило ему в голову, – отыскать эту чертову могилу, а она наверняка на Эскобаре, одна из шести или семи тысяч могил, оставшихся на память о той давней войне.

И тут ему в голову пришел план, да такой соблазнительный, что он забыл, о чем хотел сказать, и застыл с открытым ртом. Граф Форкосиган вежливо-вопросительно приподнял брови. В конце концов Майлз решился:

– А как дела у нашей бабушки Нейсмит?

Отец пристально посмотрел на него.

– Любопытно, что ты об этом спрашиваешь. Твоя матушка частенько вспоминает о ней в последнее время.

– Ну, это понятно. Кончина деда... Хотя бабушка – крепкая старушка. Вообще, по-моему, бетанцы рассчитывают жить лет сто двадцать, не меньше. Наверное, думают, что это одно из их гражданских прав.

Бабушка жила на Бете, в девяти скачках сквозь п-в-туннели. Путешествие туда занимало три недели, если лететь прямым путем – через Эскобар. Если подобрать подходящий рейс, то Майлз вполне сможет сделать остановку на Эскобаре. Можно будет поглядеть на местные достопримечательности, и провести небольшое расследование – тихо и незаметно, даже если Ботари прилипнет к нему, как банный лист. Мальчик интересуется военной историей – почему бы ему не совершить экскурсию на кладбища солдат императора? Очень естественно. Он даже мог бы проделать поминальные обряды в честь павших.

– Сэр, – начал он, – как по-вашему...

Отец заговорил одновременно с ним:

– Сынок, ты не хотел бы... Прошу прощения.

– Нет, нет, говори, отец...

– Я хотел сказать, – продолжал граф, – что сейчас самый удобный момент навестить бабушку. Сколько прошло, с тех пор как ты в последний раз был на Колонии Бета? Года два, наверное?

Майлз пошевелил языком, проверяя, не онемел ли он.

– Замечательная идея! А можно... можно мне взять с собой Элен?

Отцовские брови снова взлетели вверх.

– Что?

Майлз встал и захромал взад и вперед по комнате, не в силах усидеть из-за переполнявших его чувств. Если бы только он смог увезти Элен в путешествие за пределы планеты! Бог ты мой, он стал бы для нее героем, метра два ростом, как Форталия Смелый.

– А почему бы и нет? Ботари все равно будет рядом. А кто может приглядеть за ней лучше, чем родной отец? И кто нашел бы здесь что-нибудь предосудительное?

– Сам Ботари, – без колебаний ответил граф Форкосиган. – Не могу себе представить, чтоб он одобрил идею показать дочери Колонию Бета. Он-то там бывал. А поскольку приглашение исходит от тебя, я не уверен, что оно ему покажется приличным – в данный момент.

– А-а. – Майлз дошел до угла, развернулся, сделал еще пару шагов. – Что ж, тогда я ее приглашать не буду.

– Ну вот. – Граф облегченно вздохнул. – Это, я думаю, мудрое...

– Я попрошу маму, чтобы она ее пригласила. И пусть сержант только попробует заартачиться!

От неожиданности отец рассмеялся.

– Удар ниже пояса, сынок! – Но голос у него был совсем не строгий. Майлз воспрянул духом.

– Эта идея насчет поездки пришла в голову маме, ведь так?

– В общем, да, – признался граф. – И, честно говоря, я был рад, что она сама предложила это. Мне будет легче, если ты проведешь следующие несколько месяцев на Бете. – Он встал. – Извини, я должен идти – дела. Мне еще надо побеседовать с Фордрозой, ради вящей славы империи. – Брезгливое выражение, появившееся у него на лице, говорило о многом. – Честное слово, я бы предпочел напиться с этим дурачком Айвеном. Или поболтать еще немножко с тобой. – Он с нежностью взглянул на сына.

– Я понимаю, сэр. Работа прежде всего.

Граф помолчал, потом медленно произнес, с трудом подбирая слова:

– Ничего ты не понимаешь. Моя работа... Моя работа не принесла тебе счастья. С самого начала. Мне жаль, что все так сложилось, сынок. – Отец молча кивнул и вышел.

«Опять он передо мной извиняется, – подумал Майлз, чувствуя себя вконец несчастным. – Сперва говорит, что у меня все в порядке, а потом извиняется. Непоследовательно это, отец».

Он, хромя, заметался по комнате, и жгучая боль в ногах заставила его заговорить, почти закричать, обращаясь к закрытой двери.

– Я заставляю тебя взять извинения обратно! У меня все в порядке, понял? Я начиню тебя такой гордостью за сына, что не останется места для твоей дурацкой вины! Клянусь! Даю слово Форкосигана. Клянусь тебе, отец, – голос его понизился до шепота. – Клянусь, дедушка. Я не знаю как, но я это сделаю...

Майлз еще раз прошелся по комнате. Становилось холодно, и так вдруг потянуло в постель! Повсюду крошки от сэндвичей, на столе бутылки – одна пустая бутылка, другая полная... Тишина.

– Значит, разговариваем сами с собой, – прошептал он. – Скверный симптом, приятель.

Ноги страшно болели. Майлз прижал к себе полную бутылку и забрал ее с собой в постель.

Глава 5

– Так-так-так, – елеиным голосом протянул толстый таможенник-бетанец. – Да это же сержант Ботари с Барраяра. Ну-с, с чем пожаловали на сей раз? Что там у вас в заднем кармане? Парочка атомных фугасов? Вы их забыли там совершенно случайно, разумеется. А что затесалось в ваш бритвенный прибор? Батарея лазерных пушек? А в ботинке – и там что-то застряло? Гравитонная ракета?

Сержант отреагировал на приветствие чем-то средним между кряхтением и рычаньем.

Майлз улыбнулся, силясь припомнить имя чиновника.

– Добрый день, господин Тиммонс. Все еще в таможене? Я думал, вы уже какая-нибудь крупная шишка в администрации.

Таможенник кивнул ему более приветливо.

– Добрый день, лорд Форкосиган. Вы же знаете, какая у нас служба. – Он перебрал их документы и вставил дискету в свой компьютер. – Ваши разрешения на ношение парализаторов в полном порядке. А теперь, пожалуйста, пройдите по одному через сканирующее устройство.

Ботари хмурился и негодуяще фыркал. Майлз попытался перехватить его взгляд, но сержант внимательно рассматривал некую видимую только ему точку в пространстве. Такое поведение показалось Майлзу подозрительным, и он заявил:

– Сначала мы с Элен.

Элен прошла первой, неловко улыбаясь, как человек, которому пришлось слишком долго позировать, а потом снова принялась вертеть головой, жадно разглядывая окружающее. Майлз надеялся, что Колония Бета как-то компенсирует разочарование, постигшее их на Эскобаре.

Они два дня копались в архивах и таскались под дождем по заброшенным военным кладбищам, изображая, ради Ботари, живейший интерес ко всем руинам. Но все усилия пропали даром – они так и не нашли ни могилы, ни обелиска с именем матери Элен. Впрочем, неудача скорее утешила, чем огорчила Элен.

– Вот видишь? – повторяла она. – Отец меня не обманывал. Просто у тебя разыгралось воображение.

Сам сержант относился к их экскурсиям с плохо скрываемой скукой, и Майлз окончательно убедился, что Элен права.

Он теперь жалел, что поддался атмосфере тайны, окружавшей присхождение Элен, и не попробовал расспросить об этом мать. По возвращении надо непременно поговорить с ней. А что-то из этого разговора, может быть, передать дочери Ботари. Мама лучше сообразит, что именно и в какой форме.

Майлз прошел через сканер вслед за Элен, предвкушая, что будет показывать ей все чудеса Колонии Бета как исполненный торжества фокусник, готовый извлечь из шляпы целую компанию кроликов.

Настала очередь Ботари. Он шагнул под арку машины, и сейчас же раздалось что вроде резкого блеяния.

Тиммонс покачал головой:

– Все не уйметесь, сержант?

– Простите, я перебыю вас, – быстро вставил Майлз, – мы с этой молодой леди можем быть свободны? – Агент кивнул, и Майлз забрал парализаторы и документы. – Тогда я покажу ей космопорт, пока вы тут выясняете отношения. Мы будем в главном зале.

– Вам нельзя... – встревоженно начал Ботари.

– О нас не беспокойтесь, – небрежно обронил Майлз, притянул к себе локоть Элен и увлек ее к выходу.

Элен оглянулась через плечо.

– Неужели отец и вправду хотел протащить оружие?

– И подозреваю, что не один вид, – извиняющимся тоном сказал Майлз. – Я никогда не даю ему на это разрешения, и у него никогда ничего не выходит, но мне кажется, он чувствует себя просто голым, если не вооружен до зубов. Правда, нет худа без добра: раз уж бетанцы так лихо отыскивают оружие, думаю, здесь нам нечего опасаться.

Когда они вошли в главный зал, он незаметно посмотрел на Элен и губы его раздвинулись в довольной улыбке: она была просто вне себя от восторга. Их окружали тропические заросли. Мягкий золотистый свет лился из-под огромного купола, выхватывая из темной листвы яркие пятна цветов и невиданных птиц. Где-то рядом слышалось журчание фонтанов.

– Тут как в гигантском ботаническом или зоологическом саду, – прошептала Элен.

– Угу, – подтвердил Майлз. – Это все принадлежит зоопарку Силика. Что-то вроде большой открытой вольеры.

Они направились в конец зала, отведенный под магазинчики. Майлз осторожно направлял Элен, стараясь показать лишь то, что могло ей понравиться, и обходя опасные места. Например, заведение, где торгуют предметами интимного обихода, – это, наверно, чересчур для первого знакомства с планетой, хотя Элен ужасно мила, когда краснеет. А вот в магазине комнатных животных, весьма необычном, они провели несколько приятнейших минут. Элен приглянулась большая декоративная ящерица с Тау Кита, неправдоподобно многоцветная и сверкающая, и Майлзу захотелось немедленно подарить ей эту зверюгу. Но здравый смысл возобладал, и он удержался от покупки, тем более, что таукитянская рептилия была крайне разборчива в отношении кормежки и,

несмотря на сказочную внешность, не отличалась чистоплотностью. Они побродили по балкону над этим огромным садом, и вместо ящерицы Майлз купил своей спутнице мороженого. Усевшись на скамейку у самых перил, юная парочка принялась уплетать лакомство.

– Тут так спокойно, свободно, – сказала Элен, облизывая пальцы и оглядываясь вокруг. Глаза у нее блеснули от удовольствия. – Не то, что у нас: везде солдаты, охрана. А здесь... здесь женщина может стать кем угодно.

– Ну, смотря что понимать под свободой, – неопределенно ответил Майлз. – Между прочим, бетанцы мирятся с правилами, которых мы бы ни за что не потерпели. Ты бы видела, как они вытягиваются в струнку, когда объявляют чрезвычайную ситуацию – например, песчаную бурю, или учебную тревогу, или перебой в подаче энергии. У них здесь... не знаю, как бы получше выразиться. Нет места для одиночек.

– Зато они сами устраивают собственную жизнь.

– А ты знаешь, что на Бете нужно разрешение, чтобы завести ребенка? Первый, правда, бесплатно, но потом...

– Какая ерунда, – рассеянно заметила Элен. – Кто же может это проконтролировать? – Но, испугавшись собственного вопроса, быстро оглянувшись, нет ли поблизости отца.

Майлз тоже оглянулся, потом объяснил:

– Женщинам и гермафродитам здесь имплантируют постоянные предохранительные средства. А чтобы удалить имплантат, требуется специальное разрешение. Когда девушка достигает зрелости, ей вставляют эту штуку, прокалывают уши, и... – тут Майлз обнаружил, что умеет краснеть не хуже других, и торопливо закончил: – удаляют девственную плеву. Все процедуры – за один визит к доктору. Именно так определяют девушку, с которой можно знакомиться... По ушам.

А в следующую секунду руки Элен взметнулись к серьгам, и она не просто порозовела, а покраснела до корней волос.

– Майлз! Они что, подумают, что я?..

– Да полно тебе! Если кто-то начнет приставать, а рядом не будет ни меня, ни твоего отца, вели им убираться, и все тут. Они сразу отстанут. Я все же решил, что лучше тебя предупредить. – Майлз покусал костяшки пальцев, борясь со смехом. – Знаешь, если ты собираешься ходить все шесть недель, прикрыв уши руками...

Она торопливо опустила руки на колени и свирепо глянула на него.

– Конечно, на Бете все ужасно необычно, – извиняющимся тоном проговорил он и в этот миг отчетливо вспомнил, в каких формах проявляется здешняя необычность.

Ему было пятнадцать, когда его послали учиться на Бету. Впервые в жизни он очутился в мире, где возможности для интимных знакомств казались неограниченными. Но эта иллюзия быстро растаяла: самые очаровательные девушки, как выяснилось, были на руках. Среди остальных кандидатур преобладали добрые самаритянки, готовые одарить своими прелестями любого желающего, гермафродиты и мальчики.

Майлз вовсе не хотелось быть объектом благотворительности, а для двух последних категорий он был слишком барраярцем, хоть и достаточно свободомыслящим, чтобы не ужасаться, когда однополый любовью занимаются другие. У него был недолгий роман с одной искательницей острых ощущений, и он уже через пару недель был сыт ею по горло. Бетанку до того завораживали особенности его тела, что Майлз порою чувствовал себя настоящим монстром. Ему было еще тяжелее, чем дома, среди барраярцев, с их яростным отвращением к телесным недостаткам. Впрочем, когда эта извращенка обнаружила, что соответствующий орган у него в норме, она разочаровалась и потихоньку исчезла с горизонта.

Для Майлза эта история закончилась тяжелейшим приступом отчаяния; неделя проходила за неделей, а депрессия становилась все глубже и глубже, и однажды ночью сержанту Ботари пришлось спасти его жизнь в третий раз. Майлз дважды поранил Ботари, пока они боролись из-за ножа: сержант боялся переломать ему кости, а он просто обезумел тогда. В конце концов Ботари зажал Майлза, как клещами, и держал, пока тот не расплакался. Когда-то Ботари носил

его на руках – до тех пор, пока в четыре года Майлз не научился ходить; и теперь он поднял его и отнес в постель. Потом перевязал свои раны, перевязал и никогда не упоминал об этом.

Да, тот год был просто ужасным, и Майлз был полон решимости начать все с чистого листа. Он сжал перила, словно готовясь – к чему? У него не было цели, и от этого вся гостеприимная роскошь Колонии Бета показалась ему на миг скучной и бессмысленной.

Поблизости стояли четверо бетанцев, о чем-то громко споря. Майлз полуобернулся к ним, чтобы лучше видеть из-за Элен. Она была переполнена впечатлениями и болтала без умолку, но, когда Майлз приложил палец к губам, покорно затихла, с любопытством глядя на него.

– Черт бы вас всех побрал, – ругался толстяк в зеленом саронге. – Мне наплевать, каким образом вы собираетесь выкурить его. Я требую, чтобы этого психа убрали наконец с моего корабля. Вы что, не можете послать туда штурмовую группу?

Женщина в форме бетанской службы безопасности покачала головой:

– Послушайте, Кольхаун, к чему мне рисковать людьми из-за корабля, который все равно пойдет на слом? Там же нет заложников или еще чего-то в этом роде.

– Но у меня простаивает команда утилизаторов, я им плачу полуторную ставку за сверхурочные. Он сидит там уже трое суток. Должен же он когда-нибудь отлучаться в туалет, или закусывать, или еще что, – упорствовал толстый бетанец.

– Если вы правы и он действительно накачался наркотиками, штурм – верный способ заставить его взорвать корабль. Так что лучше подождать. – Женщина из службы безопасности повернулась к человеку в светло-сером комбинезоне – наверняка пилоту одной из крупных транспортных компаний. Седые волосы старого космолетчика были в тон трем серебряным кружкам на его висках и в середине лба – нейроимплантатам, благодаря которым мозг пилота может сливаться в одно целое с компьютерами корабля. – Вы же знакомы, он член вашего профсоюза. Неужели никак нельзя уговорить его?

– Представьте себе, нет, – возразил пилот. – И не пытайтесь спихнуть его на меня. Он ведь ясно сказал, что не желает со мной разговаривать.

– Тем не менее в этом году именно вы – член Совета, и у вас должна быть какая-то власть над ним; пригрозите в конце концов отобрать его пилотский диплом.

– Конечно, Ард Мэйхью все еще член Братства, но он уже два года не платит взносы, его лицензия и так висит на волоске, а после этого случая ее точно отберут. Ард решился на свою дурацкую выходку потому, что, когда последние корабли серии РГ пойдут в утиль, – тут пилот кивнул в сторону зеленого саронга, – он уже не найдет работы. Медкомиссия его забраковала, новый имплантат ставить ему бесполезно, даже если бы он наскреб денег. А он не наскребет. На прошлой неделе попросил у меня займы несколько долларов – заплатить за квартиру. Так он по крайней мере сказал. Но скорее всего истратит их на пойло, которым заливает глаза.

– Так вы ему дали? – полюбопытствовала вторая женщина в голубой форме администрации космопорта.

– Дал, – угрюмо ответил космолетчик. – Но предупредил, что в последний раз. И вообще... – он нахмурился, глядя на свои ботинки, – я бы предпочел, чтобы он кончил жизнь в космосе, в каком-нибудь головокружительном скачке, или вспышке, чем подыхать без гроша в кармане под забором. Отлично представляю, как бы я себя чувствовал, узнав, что никогда уже не сделаю скачка...

– Все пилоты – сумасшедшие, – уверенно заявила офицер службы безопасности. – Это из-за того, что вам прокалывают мозги.

Майлз, совершенно замороженный, подслушивал их без зазрения совести. Человек, о котором шла речь, похоже, такой же изгой и неудачник, как и он, да вдобавок попавший в беду.

– Вспышка! От этой вспышки может прерваться все движение вокруг планеты, – запричитала администраторша. – Если он исполнит свою угрозу, внутренние орбиты будут забиты обломками минимум на неделю. Нам придется закрыть космопорт и чистить орбиты... – Она повернулась к мужчине в саронге и повысила голос: – И знайте, Кольхаун, что за очистку орбит будет платить кто

угодно, только не мы. А счет пошлют вашей компании, даже если мне придется обратиться в Департамент юстиции.

Толстяк сперва побледнел, затем побагровел:

– Но это же ваше ведомство заварило кашу, разрешив этому чокнутому доступ к моему кораблю!

– Он заявил, что оставил на борту свои вещи, – отпарировала женщина. – Кто же знал, что у него на уме.

Майлз представил себе пилота – как он сидит там один-одинешенек, забившись в какой-нибудь отсек, словно последний защитник осажденной крепости. И тут ему на ум пришла история одного из предков, генерала Зелига Форкосигана: хитроумный вояка заставил врагов снять осаду с Форкосиган-Сюрло с армией в несколько человек... Майлз сжал кулаки.

– Подыграй мне, только не раскрывай рта! – прошептал он скороговоркой.

– Что? – удивилась Элен.

Подкрепив слова сердитым взглядом, Майлз вскочил со скамьи.

– А-а, как славно, что я отыскал вас, мисс Ботари, – громко произнес Майлз, словно они только встретились. Взяв Элен за руку, он направился с нею к четверке споривших.

Ему было известно, что посторонние часто обманываются насчет его возраста. Вначале его нередко принимали за ребенка – из-за роста. Но потом, разглядев хорошенько лицо с крупными и жесткими (вследствие многолетней привычки к физической боли) чертами, а также синеватый отлив гладко выбритых щек – встречные не знали, что и думать. И тут перед Майлзом открывался большой простор для маневров. Он мысленно призвал на помощь дух своих знаменитых предков и улыбнулся так высокомерно, как только мог.

– Добрый день, господа, – приветствовал Майлз бетанцев. И все четверо недоуменно воззрились на него. Под этими взглядами вся его аристократическая

благовоспитанность чуть не растаяла, но он выдержал. – Мне сказали, кто-то из вас знает, где найти пилота Арда Мэйхью.

– А вы кто такой? – проворчал представитель компании по утилизации, высказывая вопрос, занимающий всех.

Майлз слегка кивнул, взмахнув в мыслях воображаемым плащом.

– Лорд Майлз Форкосиган, с планеты Барраяр, к вашим услугам. Это моя сотрудница, мисс Ботари. Я случайно услышал ваш разговор и, думаю, могу помочь вам.

– Послушай, мальчик, – начала дама из администрации космопорта; Майлз нахмурился и уставился на нее из-под нависших бровей, подражая взгляду деда в те минуты, когда старик бывал не в духе. – Прежде всего, сэр, – поправилась женщина, – скажите, что вам нужно от пилота Мэйхью?

Майлз вздернул подбородок.

– Мне поручено передать ему долг.

– Кто-то должен деньги Арду? – в изумлении спросил утилизатор.

Майлз выпрямился с оскорбленным видом.

– Нет, речь идет не о деньгах, – отчеканил он с таким презрением, словно в жизни не притрагивался к подобному мусору. – Долг чести.

– Пусть так, а мне до этого какое дело? – возразил толстяк, несколько не смущенный величественными манерами аристократа-коротышки...

– Я могу уговорить пилота Мэйхью покинуть ваш корабль, – пояснил Майлз, уже сообразивший, в какую сторону надо гнуть. – Если только вы поможете мне встретиться с ним лицом к лицу. – Элен при этих словах чуть не задохнулась, но он успокоил ее мимолетным движением бровей.

Бетанцы переглянулись, словно взглядами можно было спихнуть ответственность друг на друга. В конце концов человек с серебряными кружками на голове заявил:

– Пускай. Все равно никто ничего лучше предложить не может.

Пассажирский катер вышел на орбиту и седовласый пилот заговорил, склонившись к коммуникатору:

– Ард? Послушай, Ард, это Вэн. Ответь, пожалуйста. У меня тут человек, который хочет поговорить с тобой. Он собирается перебраться к тебе на борт. Ты не будешь делать глупостей, Ард?

Ответом было гробовое молчание.

– Он вас слышит? – спросил Майлз.

– Связь в порядке. А слышит ли – неизвестно. Может быть, он вообще отключился или заснул. А может быть, и помер – как знать...

– Да жив я, жив, – раздалось внезапное рычание из динамика. Изображения на экране не было. – А вот ты вряд ли выживешь, Вэн, если попытаешься пробраться на корабль. Предатель, сукин сын...

– И пробовать не стану, – пообещал старший пилот. – Это вот господин... простите – лорд Форкосиган хочет попытаться.

Последовала долгая пауза, нарушаемая лишь потрескиванием и шипением в аппарате.

– Он что, работает на этого кровососа Кольхуана? – подозрительно спросил невидимый собеседник.

– Ни на кого он не работает, – успокоил его Вэн.

– Тогда, значит, из Совета психического здоровья? Помни, никого с оружием я к себе не подпущу. Взорву к чертям корабль...

– Да он не бетанец. Он с Барраяра. Говорит, что ищет тебя.

Снова молчание, потом все тот же голос, сварливый и неуверенный:

– Да я вроде ничего не должен барраярцам... Я даже никого оттуда не знаю.

Заработали тормозные двигатели, потом раздался тихий щелчок с внешней стороны корпуса – они причалили к старому грузовику. Пилот поднял палец, подавая знак, и Майлз занялся переходным люком, стыкуя челнок с кораблем.

– Готово, – сказал он.

– Вы уверены, что хотите туда перебраться? – прошептал пилот.

Майлз кивнул и улыбнулся, наслаждаясь чувством невесомости. Единственное, что его сейчас тревожило – мысль об Элен, оставленной в порту урезонивать чиновников и сержанта, когда тот вырвется из цепких объятий таможни.

Майлз открыл люк. Послышалось короткое «пuff-ф» – давление воздуха в кораблях уравнилось. Он заглянул во мрак переходного туннеля.

– Фонарик есть?

– Вон там, на полке, – показал пилот.

Освещая себе путь, Майлз осторожно двинулся вперед. Тьма отступала, пряталась в поперечных коридорах и вновь смыкалась за его спиной. Майлз хотел попасть в ходовую рубку корабля, где, скорее всего, и находился космический мятежник. Идти было недалеко, но из-за абсолютной тишины и вынужденной плавности движений время тянулось бесконечно. Майлз уже начинал чувствовать то, что всегда чувствуется при нулевой силе тяжести: сожаление о своей неводержанности. Ванильное мороженое, подумал он; черт его дернул проглотить проклятое мороженое.

Впереди показался тусклый свет, падавший в коридор из открытой двери. Майлз, громко кашлянув, придвинулся поближе. Учитывая ситуацию, лучше появиться не слишком неожиданно.

– Пилот Мэйхью? – негромко окликнул он, подтягиваясь к двери. – Меня зовут Майлз Форкосиган. Я ищу... Я ищу... – Какого дьявола, в самом деле, он ищет? Ну да ладно. Главное – не упустить инициативу. – Я ищу отчаянных людей, – с пафосом закончил он.

Мэйхью, пристегнув ремни, сидел в командирском кресле: вся его сгорбленная фигура выражала глубокое уныние. На коленях у него громоздились пилотский шлем, литровая бутылка, наполовину заполненная какой-то опалесцирующей жидкостью ядовито-зеленого цвета, и коробка с рубильником, неряшливо подсоединенная массой спутанных проводов к панели управления: Майлз, как замороженный, уставился на эту коробку – и на небольшой узкофокусный игольник. Само наличие такого оружия у частного лица являлось по законам Беты серьезным правонарушением.

Пилот Мэйхью, мигая покрасневшими веками, без всякого интереса смотрел на странного визитера, зависшего в дверном проеме. Все еще держа в руке смертоносную игрушку, пилот потер ею трехдневную щетину на подбородке.

– Да? – произнес он. Этой не слишком вразумительной репликой и ограничилась его реакция.

Игольник на некоторое время отвлек Майлза от основной задачи.

– Как вам удалось протащить эту штуку через таможенную Беты? – спросил он с неподдельным восхищением. – Мне никогда не удавалось и рогатку пронести.

Мэйхью глянул на оружие в своей руке с таким недоумением, словно только что его заметил.

– Купил как-то на Архипелаге Джексона. Никогда не пробовал пронести его на планету. Если бы попробовал, у меня бы его наверняка отняли. Они вечно все отнимают, эти, которые там, внизу. – Он вздохнул.

Майлз потихоньку пролез в рубку и, скрестив ноги, уселся в воздухе в позе внимательного слушателя – во всяком случае он надеялся, что выглядит таковым.

– А как вы вообще попали в эту передрагу? – спросил он, охватывая единым взглядом обстановку корабля и то, что лежало на коленях у пилота.

– Не повезло. – Мэйхью пожал плечами. – Мне никогда не везло. Взять хоть бы ту аварию с РГ-88. Лопнула труба, вытекла жидкость, мешки с даем намокли и проломили переборку. С этого все и началось. Заведующего погрузкой в порту и пальцем не тронули, черт бы их всех побрал... Пил я там или не пил, это же не меняет дела. Все равно труба бы лопнула. – Он шмыгнул носом и провел рукавом по глазам. Майлз перепугался – похоже, дяденька вот-вот разревется. Жуткое зрелище, особенно если плачущему за сорок. Но Мэйхью не заплакал, а глотнул из бутылки. Потом, видимо, вспомнив о правилах хорошего тона, протянул ее Майлзу.

Майлз вежливо улыбнулся. Может, воспользоваться случаем и вылить ее, чтобы Мэйхью волей-неволей протрезвел? Однако вылить жидкость в невесомости можно было только в какой-то другой сосуд, иначе ему придется все время уворачиваться от плавающих капель. Да и сделать это не так просто... В чисто научных целях Майлз приложился к горлышку.

Напиток был густой и сладкий, как сироп, с сильным запахом каких-то трав и невероятно крепкий – градусов шестьдесят, не меньше. Майлз поперхнулся и почувствовал себя чем-то вроде учебного муляжа пищеварительного тракта, в котором все части были выделены разными цветами. Почтительно вытерев горлышко рукавом, он вернул бутылку владельцу; тот кивнул и засунул ее под мышку.

– Спасибо, – просипел Майлз. – А как вы... – Он перевел дух, откашлялся и продолжал своим голосом: – Что вы собираетесь делать? Что вы хотите?

– Что я хочу? – повторил Мэйхью. – Что делать дальше? Не знаю... Я просто не позволю этому живодеру Кольхауну убить мой корабль. А дальше... Никаких «дальше» не будет. – Он покачал в руках коробку с рубильником, похожий на какую-то фантастическую разнесчастную мадонну мужского пола. – Ты когда-нибудь бывал красным?

Майлзу припомнилось что-то смутное из истории древних политических партий на Земле.

– Да нет, я вообще-то фор, – осторожно заметил он, гадая, устроит ли собеседника такой ответ и о чем вообще идет речь. Вопрос оказался риторическим.

– Красный. Красный цвет. Однажды я был чистым светом – во время скачка в какую-то дыру под названием Геспари-2. Ничего похожего на скачок в обычной жизни нет. Если ты никогда не проносился сквозь радугу в мозгу – цвета, которым и имени-то нет в человеческом языке, – представить это невозможно. Это лучше всего на свете – женщин, еды, выпивки и сна. А они нам еще платят! Бедное обманутое дурачье – у них нет под черепом ничего, кроме протоплазмы... – Он мутными глазами глянул на юношу. – Извини. О присутствующих не говорят. Просто ты не пилот. Ну, а я так больше никогда и не возил грузы на Геспари. – Он повнимательнее взгляделся в Майлза. – Послушай, парень, вид-то у тебя... аховый. С чего это?

– На себя посмотрите, – огрызнулся гордый потомок Форкосиганов, на миг забыв о дипломатии.

– Ну-ну, – пробормотал пилот и снова передал юноше бутылку.

Любопытное питье, подумал Майлз. Несмотря на крепость, несколько не пьянит, и в сон от него не клонит. Он ощутил прилив энергии, теплую волну, прокатившуюся по всему телу до кончиков пальцев. Теперь понятно, почему Мэйхью смог продержаться три дня и не заснуть в этой всеми покинутой жестянке.

– Значит, у вас нет плана сражения, – подытожил Майлз. – Вы не потребовали миллион бетанских долларов в мелких немаркированных купюрах, не грозили протаранить космопорт, не взяли заложников... В общем, не совершили ничего выдающегося. Просто сидите здесь, хлещете это пойло и упускаете шансы. Видимо, вам не хватает решимости, или воображения, или того и другого вместе.

Мэйхью заморгал: такого он явно не ожидал.

– Черт побери, Вэн в кои-то веки сказал правду. Ты действительно не из Совета по психическому здоровью... Я бы мог взять в заложники тебя, – предложил он, направив игольник на Майлза.

– Нет-нет, только не это, – торопливо сказал Майлз. – Я сейчас не могу все объяснить, но... Там, внизу, это может вызвать чересчур сильную реакцию.

– А-а. – Ствол опустился. – Но все равно... Понимаешь, они ведь не могут дать мне того, чего я хочу. – Он постучал по своему шлему. – Я хочу летать, я хочу делать скачки – и не могу. Все кончено.

– Я так понимаю, что на этом корабле вы летать можете.

– Этот корабль пойдет в утиль, как только я засну.

– Если вы будете продолжать в том же духе, дело дрянь, – решительно заявил Майлз. – Пораскните-ка мозгами. Подумайте. Вы хотите быть скачковым пилотом, нырять сквозь п-в-туннели. Вы можете быть им только на корабле типа РГ. Значит, вам нужен этот корабль. Так берите его. Станьте пилотом-владельцем. Возите грузы. Неужели вы не видите, как это просто? Можно мне еще глоточек? – Майлз обнаружил, что очень уж быстро привык к дьявольскому напитку.

Мэйхью потряс головой, цепляясь за свое отчаяние, словно ребенок за любимую игрушку.

– Я пробовал. Я все пробовал. Вроде мне светил кредит. Но потом все поломалось, да и не мог я дать больше, чем Кольхаун.

– Ах так. – Майлз вернул бутылку пилоту и внезапно заметил, что уже висит в воздухе под углом в девяносто градусов к собеседнику. – Все равно, сдаваться нельзя, это я знаю твердо. Сдаваясь, роняешь честь форов. – Он начал потихоньку напевать знакомую с детства и слегка подзабытую балладу «Осада Серебряной Луны». Он помнил, что там был фор, какой-то лорд и еще прекрасная ведьма, которая летала в волшебной ступе; потом в этой ступе истолкли кости врагов. – Дайте-ка мне еще глотнуть. «Дай клятву мне, – лорд Фор сказал... – и будешь верный мой вассал...»

– Чего-чего? – удивился Мэйхью.

Майлз опомнился.

– Да нет, это я так. Извините. – Еще несколько минут он молча висел в воздухе, размышляя, потом воскликнул: – Просто беда с этой бетанской системой! Никто ни за что не отвечает, всем заправляют какие-то безликие фигуры. Правительство призраков, да и только. А вам нужен сюзерен, который взял бы в руки меч и разрубил паутину волокиты. Как Форталия Смелый в Зарослях Терновника.

– Не нужен мне сюзерен. Мне нужно выпить, – мрачно заявил Мэйхью.

– Ах, извините. – Майлз вернул бутылку. Где-то в глубине его мозга зарождалась идея, пока туманная, словно галактика, только начинающая сжиматься. Еще немного, и она засияет, как протозвезда... – Нашел! – воскликнул он, выпрямляясь, и от резкого движения в невесомости его тело беспорядочно закружилось в воздухе.

Мэйхью вздрогнул, чуть не разрядив игольник в пол, и ошарашенно глянул на бутылку.

– Что нашел? Выпивка здесь, у меня.

Майлз кое-как справился с вращением.

– Лучше будет, если мы сделаем все прямо отсюда. Первый принцип стратегии: никогда не уступай выгодную позицию. Можно воспользоваться вашей связью?

– Зачем?

– Я хочу купить этот корабль, – величественно и звонко объявил Майлз. – А затем нанять вас в качестве пилота.

Мэйхью озадаченно посмотрел на юношу, потом на бутылку, снова на Майлза.

– У тебя столько денег?

– Н-ну, в общем... У меня есть кое-какие активы.

Майлз включил коммуникатор, и после нескольких минут переговоров на экране возникла физиономия представителя утилизационной компании. Если раньше Кольхаун был настроен недоверчиво, теперь его просто распирало от возмущения.

– И вы называете это компромиссом? – тут же завопил он. – По себестоимости! А гарантии? Я вам не торговец недвижимостью!

– Господин Кольхаун, – вежливо перебил его Майлз, – позвольте заметить, что выбирать вам придется не между моим векселем и этим кораблем. Выбор – между векселем и осколками, в которые вот-вот превратится ваше имущество.

– Если мне станет известно, что вы в сговоре с этим...

– В жизни его не встречал. До сегодняшнего дня, – чистосердечно признался Майлз.

– А что за землю вы мне предлагаете? Да еще на Барраяре! – подозрительно спросил присмиревший Кольхаун.

– Нечто вроде фермы... Есть лес. Сто сантиметров осадков в год. Чуть больше трехсот километров от столицы. – (Столице крупно повезло, что она с наветренной стороны, мельком подумал Майлз.) – Вся эта земля принадлежит мне. Я только что получил ее в наследство. От деда. Можете справиться в посольстве Барраяра. Посмотрите кстати данные о климате.

– Насчет осадков – они там не в один день выпадают, а?

– Нет, конечно, – с пафосом ответил Майлз. – И учтите, что это земля моих предков. Мы владеем ею уже на протяжении десяти поколений, и можете не сомневаться: я из кожи буду лезть, чтобы выкупить свой вексель и не дать родовому поместью уйти в чужие руки...

Кольхаун раздраженно потер подбородок.

– Себестоимость плюс двадцать пять процентов, – сдался он наконец.

– Десять.

– Двадцать.

– Десять, или вам придется иметь дело с пилотом Мэйхью.

– Ладно, – простонал Кольхаун. – Десять.

– Договорились.

Конечно, процедура оформления покупки на этом не закончилась, но бетанцы не зря гордились своей информационной системой. Сделка, на которую на Барраяре потребовалось бы несколько дней, была заключена меньше чем за час, и при этом не выходя из корабельной рубки. Однако Мэйхью становился все молчаливей.

Наконец он заговорил:

– Послушай, сынок. Я ценю твое великодушие и все такое прочее, но только зря все это. Понимаешь, когда я спущусь вниз, они не угомонятся. Так не получится: посмеялись и разошлись. На посадочной площадке меня будут ждать люди из СБ, а с ними санитары из Совета психического здоровья. Ты и глазом не успеешь моргнуть, как на меня накинута сеть-парализатор. А месяца через два, может, и увидишь меня. Я буду ходить и всем улыбаться. Когда человека берет под крылышко СПЗ, он непременно в конце концов ходит и улыбается, ходит и улыбается... – Мэйхью беспомощно тряхнул головой. – Поздно, сынок.

– Пока человек дышит, ничего не поздно, – отрезал Майлз. Внизу, на планете, он зашагал бы по комнате; а здесь можно было только оттолкнуться от одной стены, проплыть в воздухе, и оттолкнуться от другой. Майлз летал по рубке, как мыльный пузырь, и напряженно думал.

– У меня идея, – сказал он наконец. – Готов поспорить, что на этом можно выиграть время. А там придумаем что-нибудь получше. Беда только, что вы не с Барраяра, вам будет трудно понять все сразу.

Мэйхью был порядком озадачен.

– О чем это ты?

– Дело вот в чем. – Хлоп, поворот, вперед, хлоп. – Если бы вы присягнули мне на верность как оруженосец своему сюзерену, – а это самое простое – я бы мог подвести вас под свой дипломатический иммунитет третьего класса. Будь вы подданным нашего императора, нечего было бы и голову ломать. Но вы гражданин Беты. Значит нам нужно прежде всего привлечь толпу юристов, и они несколько дней будут биться, выясняя, какой закон главнее. Я взял бы на себя обязательство предоставить вам жилье, еду, одежду, вооружение – наверное, корабль можно считать вооружением? – и защиту, если кто-либо вызовет вас на поединок... Ну здесь, на Бете, это вряд ли случится... Кроме того, существует масса параграфов насчет вашей семьи. Кстати, как насчет семьи?

Пилот отрицательно помотал головой.

– Это все упрощает. – Хлоп, поворот, полет, хлоп. – Пока суд да дело, ни СБ, ни Совет вас пальцем не тронут, потому что по закону вы... как бы часть моего тела.

Мэйхью моргнул.

– Все это так странно, просто ум за разум заходит. Так где мне расписаться? И как ты это регистрируешь?

– Вам ничего не надо подписывать, только встать на колени, дать мне свою руку, я возьму ее в свои, и вы повторите пару предложений. Даже свидетелей не нужно, хотя по обычаю их требуется двое.

Мэйхью пожал плечами.

– Ладно. Валяй, сынок.

Хлоп, поворот, вперед, хлоп.

– «Валяй, сынок», – передразнил его Майлз. – Я так и думал, что вы ничего не поймете. То, о чем я сейчас рассказал, всего лишь небольшая часть договора, – ваши привилегии. Но там есть и ваши обязательства, и масса моих прав по отношению к вам. Вот например: если во время сражения вы откажетесь выполнить мой приказ, я имею полное право отсечь вам голову. Тут же, на месте.

У Мэйхью отвисла челюсть.

– Ты, конечно, понимаешь, что СПЗ велит накинуть сетку-парализатор и на тебя, – сказал он, придя в себя.

Майлз ухмыльнулся.

– Не выйдет. Я тут же закричу и попрошу защиты у своего сюзерена. И он меня защитит. Он довольно болезненно реагирует, когда кто-нибудь обижает его подданных. Кстати, если вы становитесь моим вассалом, то автоматически превращаетесь в вассала моего сюзерена, но уже более отдаленного.

– А заодно и сюзерена твоего сюзерена, и сюзерена сюзерена твоего сюзерена, и так далее, – обрадовался Мэйхью. – Я кое-что смыслю в субординации.

– Да нет, тут цепочка прерывается. Я принес клятву верности прямо Грегору Форбарре, как вассал секундус.

– А кто этот Грег... как его? – спросил Мэйхью.

– Император, – объяснил Майлз и для верности уточнил: – Император Барраяра.

– А-а.

Типичный бетанец, подумал Майлз; их не учат всемирной истории. Только своей собственной, бетанской, и Земли.

Когда последние формальности с покупкой РГ-132 остались позади, Мэйхью осторожно отсоединил коробку с рубильником, – Майлз в эти мгновения не дышал – и катер вернулся к кораблю, чтобы доставить их на планету. Теперь старый пилот обращался к Майлзу с несколько большим почтением.

– Я и не знал, что вы из такой богатой семьи, лорд Форкосиган. Конечно, для лорда с Барраяра космический корабль, не более чем безделушка...

– Да нет, не совсем, – сказал Майлз. – Мне придется здорово побегать, чтобы обеспечить этот вексель. Когда-то наша семья действительно была довольно состоятельной, но то было в Период Изоляции. А во время экономического кризиса, перед Первой цетагандийской войной, наши богатства практически улетучились. – Он смущенно улыбнулся. – Из-за вас, инопланетян, мы в ту пору не знали, куда деваться. Когда до нас добрались первые галактические торговцы, мой прапрадед со стороны Форкосиганов вообразил, что сорвет хороший куш на торговле драгоценностями – алмазами, рубинами и изумрудами. Чужестранцы продавали их на удивление дешево, и он вложил в это все свои деньги и половину недвижимости. Но оказалось, что камни синтетические. Они были прекраснее натуральных, но дешевле песка. Рынок лопнул, а с ним и мой прапрадед. Говорят, прапрабабка так ему этого и не простила. – Он чуть повернулся в сторону, и Мэйхью, сразу сообразив, что ему требуется, вложил ему в руку бутылку. Майлз протянул ее старшему пилоту, но тот передернулся от отвращения. И Майлз, пожав плечами, надолго припал к горлышку. Теперь уже не только пищевод и желудок, но и каждая жилка, казалось, заиграла всеми цветами радуги. У него было такое чувство, что он может обойтись без сна хоть до конца своих дней. – Беда в том, что те земли, которые мой предок сберег, лежат в окрестностях Форкосиган-Сюрло, а там довольно сухо – хотя по вашим меркам это, конечно, чуть ли не болото. Ну а проданная земля находилась в районе Форкосиган-Вашнуй, там климат получше.

– Ну и в чем же беда? – спросил Мэйхью.

– Там нам принадлежал целый город, и в нем располагалась главная резиденция, оттуда Форкосиганы управляли всеми своими поместьями. Во время войны мои предки играли м-м-м... немаловажную роль в Сопротивлении, и тогда цетагандийцы объявили наше родовое гнездо городом-заложником. В конце концов они его уничтожили. Теперь это здоровенная ямища, с краями, спекшимися в стекло. По ночам километров за двадцать видно, как небо над ней светится.

Аккуратно посадив челнок, старший пилот вырулил на стоянку.

– Погодите, – вдруг сообразил Мэйхью. – Угодья, значит, продали, а этот ваш взорванный город, Форкосиган, как его...

– Он и сейчас наш. Форкосиган-Вашнуй. Недалеко от столицы, сто сантиметров осадков в год.

– Это что, та самая земля... – Лицо пилота озарилось блаженной улыбкой. – Это та самая земля, которую вы заложили... – Двигатели смолкли и они выбрались из кабины. – Так значит, вы ее отдали в залог этому навозному жуку, Кольхауну, чтобы выкупить мой корабль?

– Как говорили римляне? Кавеат эмптор: «покупатель, будь осторожен», – нравоучительным тоном изрек Майлз. – Он проверил график влажности; но посмотреть график радиоактивности не догадался. Наверно, тоже не интересуется историей других планет.

Мэйхью привалился к стенке бокса, в котором стоял челнок, и согнулся пополам от неудержимого хохота. Смех был почти истерический – сказывались несколько суток без сна...

– Сынок, – еле вымолвил он, – выпей за мой счет...

– Разумеется, я собираюсь ему заплатить, – с достоинством объяснил Майлз. – Иначе через несколько сотен лет, когда земля остынет, эти гектары сделают ужасно неэстетичную дыру на карте владений моих отдаленных потомков. Но если он станет жадничать и хамить, требовать ввода во владение... Что ж, тогда получит то, чего заслуживает.

К ним приближались три группы людей; во главе первой почти бежал сержант Ботари. Воротник его был расстегнут, форма в беспорядке. Так-так, подумал Майлз, сержанта раздели и обыскали, так что настроение у него сейчас бешеное. За Ботари спешил полисмен и еще какой-то прихрамывающий бетанец, он размахивал руками и, судя по всему, горько жаловался. На физиономии у него красовался мертвенно-желтый синяк, один глаз заплыл. Позади всех плелась Элен; казалось, она вот-вот заплачет.

Вторым эшелоном двигались чиновники из администрации космопорта, а третьим – женщина из службы безопасности в сопровождении двух массивных агентов и четырех человек явно медицинского обличья. Мэйхью глянул на них и моментально протрезвел: в руках у агентов СБ были парализаторы.

– Ну, сынок, – пробормотал он трясущимися губами. Агенты охватывали их с флангов. Мэйхью торопливо опустился на колени. – Давай!

Ботари, отец и дочь, уже подошли к ним. Сержант наверняка собирался разразиться обвинительной речью, но Майлз, понизив голос (в отцовской манере!) оборвал его:

– Смирно, сержант. Вы нужны мне как свидетель. Пилот Мэйхью хочет принять присягу. Давай руку, Ард... вот так, между моими ладонями... и повторяй за мной. Я, Ард Мэйхью (кстати, это твоё полное имя? Хорошо, будем пользоваться им), настоящим заверяю, что я – свободный человек, доныне никому не присягавший, и что я поступаю на службу к лорду Майлзу Нейсмит-Форкосигану в качестве оруженосца... Ну-ка, повтори пока эту часть... – Мэйхью повторил, кося глазами на санитаров. – Дальше... Я буду считать его моим сюзереном и командиром до тех пор, пока его или моя смерть не освободит меня от клятвы. Потом ещё раз!

Кивая головой в такт каждому слову Мэйхью, Майлз начал – скороговоркой, так как встречающие уже были рядом, – свою часть клятвы:

– Я, Майлз Нейсмит-Форкосиган, вассал секундуса императора Грегора Форбарры, принимаю твою клятву и клянусь защищать тебя как сюзерен и командир. Клянусь словом Форкосигана. Готово – можешь встать.

Слава Богу, подумал Майлз, что Ботари промолчал. Но молчание длилось недолго:

– Милорд! – прохрипел сержант, – Вы не можете привести к присяге бетанца!

– Но я только что сделал это, – весело ответил Майлз и даже слегка подпрыгнул на месте, до того был собой доволен.

Между тем офицер СБ из той группы, что он увидел пару часов тому назад, уже стояла рядом, а Мэйхью так и застыл коленопреклоненный, под прикрытием огня, бушевавшего у него над головой.

– Пилот Мэйхью! – крикнула дама. – Вы арестованы. Вы можете воспользоваться при аресте следующими правами...

Избитый штатский перебил ее, тыча пальцем в сторону Элен:

– К чертям пилота! Посмотрите лучше на эту женщину! Она избила меня до полусмерти! У меня свидетели, десятки свидетелей. Ее надо арестовать! Она опасна для общества!

Элен то сжимала кулаки, то прикрывала уши. Губы у нее дрожали. Майлз начал понимать, в чем дело.

– Ты ему врезала?

Она кивнула.

– Он сказал мне такое...

– Милорд, – Ботари тоже обрел дар речи, – с вашей стороны было некрасиво оставить Элен одну, среди этих...

Женщина из СБ тянула свое:

– Пилот Мэйхью, вы имеете право...

– Мне кажется, она повредила мне черепную коробку! – простонал избитый. – Я на нее в суд...

Майлз подбодрил Элен улыбкой:

– Не беспокойся, я с этим разберусь.

– У вас есть право... – не отступалась агент СБ.

– Прошу прощения, агент Браунел, – мягко перебил ее Майлз. – Пилот Мэйхью теперь мой вассал. Поскольку я его сюзерен и командир, все обвинения в его адрес адресуются мне. Именно я буду оценивать обоснованность этих обвинений и распоряжаться дальнейшей судьбой пилота. Отныне у него нет никаких прав, кроме права ответить на вызов, если речь идет о некоторых категориях клеветы, которые сейчас не время и не место обсуждать... – (Все это архаика: императорским эдиктом дуэли запрещены, но откуда бетанцам знать такое.) – Так что, если у вас нет двух пар мечей и вы не собираетесь... ну, скажем, оскорблять честь матушки пилота Мэйхью, вам придется оставить пилота на мое попечение и, прошу прощения, взять себя в руки.

Своевременный совет: Майлзу казалось, что агент СБ вот-вот взорвется. Мэйхью слабо кивнул, словно наконец-то поверил в спасение. А Ботари выпрямился, и сощуренные глаза сержанта обвели всю компанию – он подсчитывал силы и вооружение противника. Спокойно, подумал Майлз. Все идет по плану.

– Вставайте, Ард, черт...

Женщина-офицер немедленно связалась с начальством, чтобы обсудить странный способ, которым Майлз оградил пилота Мэйхью от закона. Но переговоры, как Майлз и надеялся, зашли в тупик, а точнее, увязли в болоте межпланетного права, грозившем затянуть весь персонал посольства Барраяра и бетанского госдепартамента.

С Элен было проще. Разъяренному бетанцу объяснили, что он должен лично подать жалобу в посольство Барраяра. А там закрутится такая карусель – заявления, бланки, рапорты, объяснения, – что жалобщик проклянет все на свете. Среди анкет, которые приходилось заполнять, были весьма занятные, открывавшие просмотр художественным склонностям потерпевших. И эти поэмы рассматривались только на Барраяре (что занимало на месте шесть недель), и можно было гарантировать, вдобавок, что их придется посылать туда-сюда несколько раз – для исправления неизбежных в таких случаях ошибок.

– Расслабься, – шепнул Майлз Элен. – Этого парня завалят анкетами по самую макушку, и ты его никогда уже не увидишь. С бетанцами просто: они убеждены, что доставляют тебе всем этим массу неприятностей, и чувствуют себя

удовлетворенными. Только никого не убивай здесь. Боюсь, моего дипломатического иммунитета может оказаться недостаточно.

К тому времени, когда бетанцы признали поражение, совершенно вымотавшийся Мэйхью еле стоял на ногах. Чувствуя себя пиратом после удачного рейса, Майлз утащил его из космопорта.

– Два часа, – потрясенно пробормотал Ботари. – Мы пробыли в этом паскудном месте каких-то два часа, и на тебе...

Глава 6

– Майлз, дорогой. – Бабушка встретила его поцелуем в щеку, отработанным, как отдавание чести. – Ты немного опаздываешь. Что, опять неприятности на таможне?

– Нет-нет, все в порядке. – Майлз переступал с носка на пятку, ему не хватало невесомости. Хотелось пробежать километров пятьдесят, или отправиться на танцы, или еще что-нибудь в таком же духе. Но сержант и Элен имели весьма бледный вид, а Мэйхью просто валился с ног. Наскоро представив его бабушке, Майлз отвел пилота в свободную спальню. Там Мэйхью принял душ, начал выбирать себе пижаму (они были либо слишком малы, либо слишком велики) да так и повалился на кровать, словно его оглушили.

Бабушка покормила гостей обедом; как и рассчитывал Майлз, она сразу же полюбила Элен. Та чувствовала себя чуть скованной в присутствии матери обожаемой ею графини Форкосиган, но Майлз был уверен, что бабушка быстро справится с этим. Возможно, ей удастся передать Элен хоть толику бетанского безразличия к классовым предрассудкам, столь характерным для Барраяра. С тех пор, как они перестали быть детьми, перегородки между ним и Элен росли все стремительнее. Это из-за костюма фора на нем, иногда думал Майлз. Он казался Майлзу броней: такой же архаичной, звякающей, проржавевшей и шипастой. Ее неудобно носить, человека в ней невозможно обнять. Пусть Элен хоть однажды возьмет консервный нож и посмотрит, какой бледный, мягкий, несчастный моллюск кроется под броней – хотя и это зрелище не сахар. Мысли Майлза совсем запутались в черном водопаде волос Элен; он вздохнул, и тут

только сообразил, что бабушка обращается к нему.

– О, простите!

– Я говорю, – терпеливо повторила бабушка, работая ножом и вилкой, – об одном из моих соседей. Ты его помнишь, некто Хатауэй, работает в восстановительном центре... Я помню, ты познакомился с ним, когда ходил здесь в школу...

– Да, помню. И что с ним такое?

– У него небольшая проблема, и ты мог бы помочь с ней, поскольку живешь на Барраяре. Он даже отложил ее на время – я сказала ему, что ты вот-вот прилетишь. Если ты не очень устал, вы могли бы заняться этим сегодня вечером...

– Честно говоря, я мало что могу сказать о нем, – промолвил Хатауэй, оглядывая огромную, прикрытую куполом арену, находившуюся в его ведении. (Майлз подумал – непонятно только, как можно привыкнуть к этому запаху.) – Утверждает, что он барраярец. Время от времени исчезает, но всегда возвращается. Я уговаривал его отыскать какой-нибудь приют, но ему эта идея, похоже, не по вкусу. А последнее время он совершенно одичал – не дает даже подойти к нему. Поймите, он никому не причинил вреда, но кто знает, как оно обернется в будущем. Ведь он с Барраяра... Ах, извините...

Хатауэй, Майлз и Ботари осторожно пробирались по неровной, предательской поверхности. Эти мусорные кучи таили какие-то странные предметы, которые оживали, когда на них наступали, и могли запросто ударить по затылку. Осколки высокой технологии поблескивали среди куч обычного человеческого мусора, ожидая дальнейших превращений под руками бетанских умельцев.

– О-о ч-черт, – вдруг с досадой воскликнул Хатауэй. – Опять он зажег огонь! – В сотне метров от них в небо поднимались завитки серого дыма. – Надеюсь, на сей раз это не дерево. Никак не могу убедить его, что дерево слишком ценный материал... Вот мы и отыскиали его.

Лощина между кучами давала иллюзию защищенного пространства. Худой темноволосый мужчина лет тридцати сидел, согнувшись над огнем, аккуратно разложенным на дне плоской параболической тарелки-антенны. Под кухонный стол был приспособлен предмет, начинавший свою жизнь как подставка для компьютера; на нем чередовались плоские куски пластика и металла, выполняющие функции тарелок и кастрюль. Тут же, поблескивая красно-золотистой чешуей, лежал готовый к жарке большой карп.

Когда они приблизились, под чьей-то неловкой ногой звякнула железка. Человек у костра мгновенно вскочил и схватился за нож, по всей видимости самодельный; блеснули черные глаза, обведенные кругами бессонницы или болезни. Майлз не мог разглядеть, из чего сделан нож, но если им разделали рыбу, значит это не просто железяка. Рука Ботари потянулась к парализатору.

– Похоже, парень действительно с Барраяра, – тихо сказал Майлз. – Смотри, как он двигается.

Сержант согласно кивнул. Человек у костра держал нож по-солдатски, прикрывая левой рукой правую, готовый отбить руку противника, а уж потом действовать ножом. Казалось, он и сам не замечал, что принял боевую стойку. Хатауэй крикнул:

– Эй, Баз! Я тут привел к тебе гостей, не возражаешь?

– Возражаю.

– Ну послушай! – Хатауэй скользнул вниз с кучи мусора: так он был уже чуточку ближе к костру. – Я ведь тебе не докучал, правда? Позволил тебе околачиваться тут целыми днями, хотя инструкция запрещает это. Слушай, ты что, жжешь дерево? Разве тебе не известно... а, ладно. Будем считать, что я ничего не заметил, но ты должен поговорить с этими людьми. Они с Барраяра.

Баз быстро глянул на пришельцев, и лицо его отразило странную смесь радости и отчаяния. Он видит только наши силуэты, подумал Майлз; надо сойти вниз, чтобы он увидел мое лицо в свете костра. Он осторожно спустился и стал рядом с Хатауэем. Баз тупо смотрел на него.

– Ты не барраярец, – сказал он наконец безжизненным голосом.

– Да. Я наполовину бетанец, – коротко ответил Майлз, не расположенный обсуждать свою родословную. – Но я вырос на Барраяре. Там моя родина.

– Родина, – одними губами повторил Баз.

– Далековато ты забрался. – Майлз поставил на попа корпус какого-то прибора или механизма, из которого торчали провода, и уселся на него, как на табуретку. Ботари устроился повыше, на куче мусора, откуда мог без труда достать любого собеседника. – Ты что, не можешь добраться домой? Тебе нужна помощь?

– Нет. – Баз отвернулся, нахмурившись. Огонь прогорел. Он пристроил металлическую решетку кондиционера на угли и положил на нее рыбу.

Хатауэй, вытаращив глаза, смотрел на эти манипуляции.

– Что ты собираешься делать с этой мертвой рыбой?

– Съесть.

На лице Хатауэя изобразилось отвращение.

– Послушай, чужак, стоит тебе обратиться в приют и получить карточку, как ты получишь сколько угодно протеина, прямо из чанов. На этой планете не едят мертвечину. Кстати, где ты нашел эту рыбу?

Баз, помедлив, ответил:

– В фонтане.

Хатауэй задохнулся от ужаса.

– Эта выставка животных принадлежит зоосаду Силика! Как это можно – есть экспонат?!

– Там их куча. Не думаю, чтобы хватились одной пропавшей рыбины. И вовсе я не воровал. Я ее поймал.

Майлз задумчиво потер подбородок и вытащил из-под куртки зеленую бутылку пилота Мэйхью, которую захватил с собой в последнюю минуту. Баз вздрогнул, но тут же успокоился, увидев, что это не оружие. Следуя барраярскому этикету, Майлз глотнул первым, на этот раз немного, потом вытер горлышко рукавом и передал бутылку Базу.

– Может, выпьешь? Как раз к обеду. Неплохое пойло. Утоляет голод и осушает слезы. На вкус конская моча с медом.

Баз нахмурился, но бутылку взял.

– Спасибо. – Он отхлебнул, потом повторил придушенным шепотом: – Спасибо!

Переложив рыбу на колпак колеса турбомашин, он сел, скрестив ноги, и принялся выбирать кости из жареного карпа.

– Не хочешь?

– Да нет, спасибо, только что от стола.

– Бог ты мой, как это можно... – простонал Хатауэй.

– Ладно, я передумал, – решил Майлз. – Кусочек съем.

Баз протянул ему нож с насаженной на него едой, и рука Ботари непроизвольно дернулась, когда Майлз снял кусок рыбы губами, как принято у бродяг. Бездомный махнул бутылкой в сторону Ботари:

– А твой друг?..

– Ему нельзя. Он на работе.

– Телохранитель, – прошептал Баз. Он посмотрел на Майлза все с тем же странным выражением: страха и чего-то еще. – Кто ты, черт побери?

– Тебе не стоит меня бояться. Я знаю, ты в бегах, но не от таких, как я. Если хочешь, могу дать слово.

– Фор, – выдохнул Баз. – Значит, ты фор...

– Точно. А ты кто?

– Никто. – Бездомный жадно уплетал рыбу.

– Тут довольно трудно быть никем, – философски заметил Майлз. – У всех номер, какое-никакое жилище. А чтобы быть никем и спрятаться в норку, нужна большая сноровка.

– Это верно, – подтвердил Баз, дожевывая ужин. – Хуже мест я не видел. Все время петляй, меняй нору...

– Знаешь, – осторожно начал Майлз, – посольство Барраяра поможет тебе вернуться домой. Конечно, деньги придется вернуть – будь уверен, бесплатно они никого не возят, – но если у тебя и вправду крупные неприятности...

– Нет! – Баз почти выкрикнул это слово, эхом отдавшееся по всей огромной арене, потом понизил голос: – Нет, я не вернусь. Рано или поздно найдется местечко в космопорте, и я переберусь куда-нибудь, где получше. Что-нибудь да подвернется.

– Если тебе нужна работа, – с энтузиазмом включился Хатауэй, – можешь зарегистрироваться в...

– Я сам со своими делами разберусь, – резко оборвал его Баз.

Клеточки кроссворда начали заполняться, и Майлз повернулся к недоумевающему Хатауэю:

– До последнего времени я считал, что таких людей, как Баз, на Колонии Бета не существует. Он проскользнул сквозь информационную сеть незамеченным. И скорее всего, прилетев сюда, он не проходил через таможню – а это, доложу я вам, вещь почти невозможная. Здешние компьютеры ничего о нем не знают: как

он ест, где спит, что покупает, какими карточками пользуется. Видимо ему легче умереть, чем зарегистрироваться и получить эти самые карточки.

– Но почему, ради всего святого? – растерянно спросил Хатауэй.

– Дезертир, – коротко объяснил Ботари со своего бугорка. – Я таких навиделся.

– Похоже, вы угадали, сержант, – кивнул ему Майлз.

Баз вскочил на ноги.

– Вы из армейской СБ! Ах ты, мразь вертлявая...

– Сядь, – перебил его Майлз, не повышая голоса и не пошевелившись. – Я никто, как и вы. Только вам это лучше удастся – быть никем.

Он уже не получал никакого удовольствия от этого разговора и вообще от всей этой истории. Дело было серьезное, скользкое.

– Интересно... Старшина? Вряд ли. Лейтенант?

– Да, – буркнул Баз.

– Офицер. Ну конечно. – Майлз прикусил губу. Скверная история. Хуже не бывает. – Как же вас угораздило? В бою?

Баз неохотно кивнул.

– В общем, да.

– Гм-м. – Дезертир. Непостижимо: человек проиграл завидное величие армейского офицера в схватке с червяком страха, который, как паразит, таился в его внутренностях. А теперь что? Бежит от собственной трусости? Или от преступления? Или от какой-то жуткой, смертельной ошибки? По закону Майлз был обязан передать этого парня армейской СБ. Но разве для этого он пришел сюда?

– Не понимаю, – все еще недоумевал Хатауэй. – Он что, совершил преступление?

– Да, и чертовски серьезное. Дезертирство в боевой обстановке, – объяснил Майлз. – Если его выдадут властям Барраяра, он будет четвертован.

– Как это?

– Его разрубят на четыре куска.

Хатауэй, не веря своим ушам, вытаращил глаза.

– Но ведь это убьет его! – Он посмотрел на всех по очереди и сжался, видя на их лицах совершенно одинаковое неприступное выражение.

– Чертовы бетанцы, – с отвращением высказался Баз за всех присутствующих барраярцев. – Видеть их не могу.

Хатауэй отвернулся и пробормотал что-то вроде «кровожадные варвары».

– Если вы не из армейской СБ, можете проваливать, – проворчал дезертир, снова примащиваясь у своего костра. – Нечего тут торчать: мне вы ничем не поможете.

– К сожалению, дело обстоит не совсем так, как вы думаете, – сказал Майлз.

– Это еще почему?

– Боюсь, я оказал вам, сам того не зная, плохую услугу, господин...

– Джезек.

– Господин Джезек. Видите ли, я сам под надзором СБ. Просто вследствие факта, что я с вами встретился, ваше убежище под угрозой. Жаль, конечно...

Джезек побледнел.

– А почему армейская СБ следит за вами?

– Не армейская, в том-то все и дело. Имперская СБ.

Дезертир задохнулся, как от удара. С губ его сорвался приглушенный стон.

– Бог ты мой... – Он поднял широко раскрытые глаза на Майлза. – Что же вы наделали, а?

– Кажется, вам я такой вопрос не задавал, господин Джезек!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/budzhold_lois/uchenik-voina

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)